

Колдовские

Миры

РАДУЖНАЯ ТОПЬ ВЕДЬМА

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

Колдовские миры

Дарья Зарубина

Радужная топь. Ведьма

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зарубина Д. Н.

Радужная топь. Ведьма / Д. Н. Зарубина — «Эксмо»,
2018 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-090272-9

Радужная топь – страх всех магов Срединных княжеств. Она пьет из людей силу, ломает кости. Кто наслал на мирные земли страшное проклятье? Кровавый князь Владислав, повелитель богатой Черны, черная ведьма, отступница правой веры или девчонка-травница, наделенная необычным даром? Хоть нет в крови травницы Агнешки ни капли колдовства – деревенские готовы поднять ее на вилы. Спасение приходит внезапно – беглянку уносит от беды на вороном жеребце красавец маг Иларий. Но скоро все переменится и ему самому понадобится помощь девушки. А у нее с радугой свои счета...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090272-9

© Зарубина Д. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Дарья Зарубина

Радужная топь. Ведьма

© Зарубина Д., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Спасибо Агнешке Ходковске-Гюрч и НДП за то, что вдохновили на написание этой истории, моей семье – за поддержку и понимание, Вячеславу Бакулину и Игорю Минакову – за неоценимую помощь и участие в судьбе книги.

Пролог

Старик откинулся назад, прикрыв побелевшие глаза. Ткань грядущего, еще мгновение назад плотная и шершавая, как грубая мешковина, расплзалась. Лопались волокна времени. И через прорехи уже глядело в глаза старому словнику еще не наступившее, но уже предре-шенное тысячу тысяч совпадений, переплетениями судеб, тьмой тончайших связей и мельчайших узелков.

Старик увидел поле. Темное, местами тронутое робкой темной весенней зеленью. Из неясной дымки грядущего выступили полки, страшные в своем безмолвии. Только ветер неторопливо шевелил стяги, да солнце всплескивало искрами на гербах.

Черный всадник на гордом вороном жеребце двигался по полю навстречу замершим полкам. Его плащ без гербов, блестящий как вороново крыло, спускался по крупу коня, и даже гуляка-ветер не смел коснуться его своей невидимой рукой.

Всадник выкрикнул что-то, подняв вверх обнаженную ладонь. И тишина лопнула.

Все завертелось перед глазами старого ясновидца, словно кто-то в единое мгновение выдернул у него из-под ног зеленый бархат поля. В круговерти странного и бессмысленного боя полки бросались на одинокого всадника, как своры на черного дикого кабана. Он вскидывал руку – и нападавшие корчились на земле. Невредимый, страшный и неуязвимый, будто призыв, по-прежнему выкрикивая что-то, всадник удерживал на месте вороного.

И тут туман отхлынул, и перед самым лицом старика явился рослый красавец. И казалось, само солнце ласково улыбнулось ему, бросив горсть золота в русую кудрявую голову. В одно мгновение голубой плащ оказался рядом с черным. Бесстрашный юноша ударил первым и скорчился от боли. Вороной рухнул, забился и через мгновение затих. Седок с ловкостью лисы выпрыгнул из седла, бросил на коня быстрый взгляд и выставил вперед ладонь – обороняясь или останавливая храбреца, выкрикнул что-то. Но юный витязь вцепился в противника мертвой хваткой. По плечам, по оторочке плащей брызнули искры. Юноша рухнул, попытался приподняться, опершись рукой на траву. И в этот момент совсем рядом, в паре шагов от противников, пелена сущего лопнула. И в глаза ясновидцу глянула она. Топь. Переливаясь и дрожа, огромное радужное око уставилось – нет, не на сражающихся – прямо в лицо словнику.

Чувствуя, как видение уходит, растворяется, скрывается за плотным пологом необратимого и свершенного «сегодня», словник напряженно вгляделся в лицо мага-призрака. Но увидел перед собой уже не один, два радужных глаза. Безноса улыбнулась и погрозила старику пальцем. Не суйся, мол, батюшка, куда Смертушка не велит. Иначе быть беде.

Старик отшатнулся, крепко зажмурился и решился открыть глаза, лишь когда радужное сияние меж ресницами сменилось непроглядной тьмой.

– Землица, заступница, – прошептал старик, утирая со лба крупные капли пота, – ...

Глава 1

– Матушка, помоги! – задыхаясь от бега, едва выговорил мельник. – Помрет! Помирает! Агнешка торопливо перевязала волосы платком и схватила с лавки берестяной короб с травами.

– Кто с ней? – сурово спросила она, надеясь, что перепуганный мельник не заметит дрожи в голосе.

– Бабка Лампея, – пробормотал он, словно извиняясь. – На камне распинала... Вокруг жертвенника водила. Да только без толку. На тебя, матушка, единая надежда!..

Агнешка сорвала с веревок, натянутых вдоль печи, еще несколько пучков едва подвялившихся трав. Крестоцвету бы еще седмицу повисеть – но без него никак.

Вечоркинский мельник уже мялся в дверях, перетаптываясь с ноги на ногу и держась за разболевшийся от бега бок. Агнешка сунула ему в руки туесок с травами и пустое ведро.

– Воды набери холодной, – приказала резко, грозно, чтоб не мешкал. – Не теплой, а стылой.

– Бегу, матушка, глазом единым моргнуть не успеешь, обернусь... – залопотал мельник, гремя ведром, и бросился вдоль по улице.

Агнешка вздохнула и быстро пошла следом.

– Матушка, – шепотом с невеселой улыбкой прошептала она. – Матушкой зовет. Кабы и вправду была здесь матушка, не кривлялась бы так ваша бабка Лампея – егозила бы вокруг да руками всплескивала. Матушку первой к роженице звали...

От воспоминаний на глаза навернулись слезы, но Агнешка только опустила голову да пару раз резко махнула ресницами, чтобы слезинки не потекли по щекам, а упали в траву. Заметят крестьяне, что травница плакала, – не вышло бы чего дурного.

До дома мельника было едва ли шагов сто. Только дом стоял совершенно пустой, лишь во дворе лениво подбирала клочки сена разморенная от жары лошадь.

Агнешка оглянулась, надеясь понять, куда неугомонная деревенская колдунья уволокла бедную роженицу. Отвела за ухо косынку, прислушалась. И почти побежала через все Вечорки вправо, в сторону реки. Там, на самом берегу, стоял большой валун – серый от времени, с одной стороны облепленный мхом, а с другой – липкой зеленой тиной.

На пологом склоне валуна лежала, нелепо раскинув руки, красная от боли и натуги мельничиха. В ногах у нее завывала бабка Лампея. Вокруг толпились люди.

Завидев спешащую к ним Агнешку, колдунья рухнула лицом в камень и застонала, подывая и трясаясь всем своим маленьким тщедушным телом:

– Землица-родимица, женская заступница! Как ты тот камень из себя выродила, так пусть дочь твоя, к твоей благодати и силе припадающая, дитя свое из чрева вытолкнет.

Лампея еще шире обхватила руками камень, и Агнешка заметила, как серый валун посветлел, будто внутри его разгорался невидимый глазу костер. Белые ручейки-трещинки потянулись от основания камня к распластанному телу мельничихи. И в этот момент молодая женщина согнулась от боли и закричала так страшно, так дико, что колдовская пелена мгновенно распалась на тысячу блеклых лоскутков.

Агнешка бросилась вперед, яростно расталкивая руками зевак:

– Что ж ты, бабка, плод гонишь, – закричала она, оттаскивая Лампею от камня, – лежит плохо, а ты гонишь. Убьешь!

Лампея отвалилась от камня, зло и устало сопя, но Агнешка уже не обращала внимания на фыркающую колдунью. Она подхватила под руки сползающую с камня мельничиху.

– Больно, – сдавленно прошептала та.

– Терпи, красавица, терпи, касаточка, – пробормотала ей в самое ухо Агнешка, – и не тужься.

– Да как же!.. – воспротивились было толпившиеся вокруг бабы, но Агнешка зыркнула на них так сурово, что кумушки замолчали и попятились.

– Как?.. – выдохнула мельничиха, сжимаясь от боли. Агнешка осторожно, но сильно надавила пальцами одной руки ей на поясницу, а второй крепко сжала дрожащую ладонь роженицы.

– Так, голубушка, – уговаривала она, покуда схватка не отошла и мельничиха не выдохнула. – Тужится – а ты не тужься. Дитя не торопи. Как придет время – я тебе скажу. А пока терпи – дыши медленно.

Мельничиха глубоко вздохнула, но снова скорчилась от боли. Агнешка опять принялась разминать ей спину, медленно отводя от белеющего на глазах камня.

– Что стоите? – вполголоса прикрикнула она на зевак. – Муж где?

– Здесь, матушка. – Толпа выпустила запыхавшегося мельника. Бедняга, багровый от жары и страха за жену, протянул Агнешке туесок и поставил к ее ногам ведро холодной воды. – Все как ты велела.

– Где роженице приготовлено? – грозно спросила она у баб. – Теплая вода где ребенка мыть?

– В доме, – испуганно отозвались из толпы. – Так не родит ведь...

– Как не родит? Аль глаз нету! – огрызнулась Агнешка. – А ты хочешь, чтоб померла? Ну, тогда стой, гляди...

– Что ж ты, мату... – начал было мельник, но Агнешка обернулась к нему, гневно махнув рукой.

– А кто хочет, чтоб жила – вон отсюда. Да так, чтоб духу вашего... – прошипела она. – Маришка, из дому воду да новину принесешь. А остальные – кто сюда заглянет, на том смерть ее будет. – Агнешка ткнула пальцем в тяжело дышавшую роженицу.

Бабы толпой ринулись в деревню, подхватив застиранные подола. Агнешка вытерла вспотевший лоб и окунула лицо в ледяную воду. Уж коли повой на реке, так не к лицу повитухе в обморок от жары падать.

Она быстро стащила с себя нижнюю юбку и, расстелив на земле, уложила на нее тяжело и прерывисто дышавшую мельничиху. Бедная женщина стонала так, что у Агнешки разрывалось сердце. Она приложила руки к огромному напряженному животу роженицы и принялась осторожно ощупывать, стараясь определить, как лежит плод. И задохнулась от страха, поняв, что самой мельничихе не разродиться. Дитя лежало поперек.

– Как, матушка, – простонала мельничиха, стараясь приподняться и заглянуть в потемневшее лицо лекарки, – рожу аль Землице молиться?

Агнешка достала из туеска небольшой кусок растекшегося на жаре сала, размяла в пальцах крестоцвет и немного мяты и, смешав все вместе, положила в крышку. Развела согнутые колени роженицы, тщательно обмыла ее бедра, живот и вымазала их своей жирной травяной мазью.

Потом, подхватив и приподняв одной рукой голову обессилившей от боли мельничихи, другой влила ей в приоткрытые губы пару капель из маленького глиняного кувшинчика, до того скрытого в складках лекарской широкой юбки.

– Сейчас, голубка, – прошептала она на ухо роженице, – легче будет.

Маришка не торопилась. Лес был темным и немым.

Агнешка с досадой подумала о том, что, видно, слишком уж припугнула деревенских, так что они лучше уморят красавицу мельничиху, чем вновь приблизятся к разозлившейся ведьме.

Значит, кипяченой воды и чистого белья ей не дожидаться.

Агнешка быстро огляделась, надеясь увидеть хоть что-нибудь, что могло бы послужить полотенцем, раздраженно помянула лесное лихо и радужную топь и принялась стаскивать с себя верхние юбки и рвать их на лоскуты.

Оставшаяся в одной длинной рубашке, она тщательно вымыла руки, насухо вытерла их и щедро смазала тем же жиром, который до этого наносила на бедра и живот роженицы. Заглянула мельничихе в лицо, проверяя, подействовал ли настой. Присела возле нее на колени.

– Маменька, помоги! Ведь коли она умрет – и мне по белу свету не ходить...

И Агнешка, сжав челюсти, чтобы не подпустить к горлу скрутивший все в животе страх, ввела одну руку, сложив ее лодочкой, тем путем, где – как надеялась – скоро пройдет наследник деревенской мельницы.

Роженица выгнулась и застонала жалобно и протяжно. От стога Агнешка вздрогнула всем телом, но руки ее, уверенные и опытные, продолжали двигаться так, как надо. Когда кисть правой скрылась в родовых путях, левая рука, положенная на живот женщины, отыскала дно матки.

Словно повинувшись одному только инстинкту, а не испуганному и усталому мозгу маленькой лекарки, правая рука двинулась вдоль бока младенчика. Пальцы осторожно обхватили маленькую ножку: большой – под колено, остальные – нежно, но крепко – за голень. И облегченно выдохнула, когда захваченная ножка пошла вниз. Агнешка осторожно захватила и вторую, обе показались наружу. Вышли до колена.

Здоровая, крепкая крестьянская природа брала свое – роды пошли сами, а обессиленная от волнения и жары Агнешка лишь направляла их.

Уложила новорожденного на белый лоскут юбки. Пережала пальцами пуповину, покуда не стихло пульсирующее биение крови. Перевязала. Приняла послед.

Словно отозвавшись на крик ребенка, из лесу выскочила Маришка с ведром воды и небольшим деревянным корытцем, полным новины.

Агнешка радостно улыбнулась ей, предчувствуя, что сейчас можно будет передать девчонке здоровенького, истошно пищущего новорожденного и заняться измученной родами мельничихой.

Вслед за Маришкой из-под прикрытия густого подлеска, как горох, высыпали бабы, видно, до конца не верившие в то, что маленькая травница в силах сделать то, что не удалось бабке Лампее. Приковыляла и сама старая ворожея, отдуваясь и бормоча под нос, но Агнешка улыбнулась ей самой доброй и открытой улыбкой – лишь бы деревенская колдунья поняла, что рознь забыта, прошлого никто не вспомнит, а она – Агнешка – ей не враг.

Полуденный жар туманил голову, а глаза медленно заволакивало матовой горячей пеленой. Агнешка, не вставая с колен, отползла от уснувшей и улыбавшейся во сне роженицы и передала ее в руки порозовевшей от удовольствия Лампее, которая тотчас скликала добровольцев, согласных вновь перенести женщину на остывающий валун. Старуха завывала и заухала, призывая свою магию. Припадая к валуну, валясь на горячий песок, она выкрикивала врачующие заклинания.

Агнешка помнила их все до одного, поэтому, поняв, что старуха знает свое дело, позволила себе отойти в сторонку и прилечь в тени склонившейся над рекой плакучей ивы.

По правде говоря, залечить разрывы, вернуть силы роженице помогли бы и ее травы, да только времени и сил для этого понадобилось бы больше.

Агнешка вздохнула и еще раз пожалела, что не унаследовала от матушки ее магической силы. Будь она хоть слабенькой магичкой, хоть деревенской ворожеей – у нее был бы сейчас дом. Настоящий дом, в котором можно было бы жить, не опасаясь перемен. Будь на то матуш-

кина воля, она отдала бы доченьке всю свою силу, как щедро отдавала любовь и знания травницы и лекарки. Но из-за отца Агнешке не досталось ни капли материнской магии...

– Получилось у меня, матушка, – вздохнула Агнешка, закрывая обожженные солнцем глаза и натягивая на голые колени рубаху, – и дитя спасла. И ее... тоже... Мертвячка...

И она заснула, слыша, словно в отдалении, хриплые горловые завывания деревенской бабки.

Крик.

Не тот, что прежде.

Не крик женщины, готовящейся произвести на свет новую жизнь.

Крик смертельно раненого зверя. Крик страха и такой боли, что раскалывает надвое самую суть, разделяет огненной вспышкой разум и страдающее тело.

Агнешка вскочила на ноги так резко, что перед глазами покачнулось и поплыло. Побежала, неловко прыгая, обжигая ноги о раскаленный песок.

Увидела, как из собравшейся вокруг магического камня толпы баб выскочила уже совершенно здоровая мельничиха, прижимавшая к груди завернутого в пеленки новорожденного, и бросилась в сторону деревни. Еще несколько девок прыснули за нею. Но бабы остались на месте и продолжали голосить – и в этих криках Агнешка услышала смешанное со страхом любопытство. То самое любопытство, которое гонит зевак на пожары, – алчное желание утолить жажду нового чужой бедой.

Снова крик. И плотное кольцо баб всколыхнулось, отпрянуло. Так что маленькой лекарке стала видна серая горбатая спина камня, а над ней – большое переливающееся радужными полосами сияющее кольцо.

Она тотчас узнала его. Узнала и припустила вдвое быстрее.

Под камнем, извиваясь и скребя пальцами землю, корчилась Лампея. Лицо старухи пошло багровыми пятнами, выступила алая сеть сосудов. Капли крови стекали из ее глаз и ушей, из приоткрытого рта текла на песок розовая пена.

Агнешка бросилась к старухе, надеясь успеть – подхватить и нести. Нести как можно дальше от проклятого ока радужной топи. Но едва она, подбежав, прикоснулась к извивающемуся телу колдуньи, как та одним резким движением вытянулась во весь рост, разметала в стороны перепачканные кровью руки. И в одно мгновение тело вновь скрутило, вывернуло с хрустом спину.

Агнешка отпрянула, зная, что будет.

Семицветное зеркало, висящее над камнем, едва заметно пульсировало, ломая тело ворожеи – выпивая остатки ее магии.

– Да что ж ты делаешь? – закричала лекарка, одним прыжком взбираясь на камень. – Отпусти! Отпусти!

И она по локоть запустила руки в теплое липкое нутро радужного круга. В тот же самый миг, словно отозвавшись на ее слова, искореженное тело колдуньи изогнулось, и из окровавленного комка вырвалась худая рука.

Агнешка почувствовала, как волна холода ударила ее по плечам, бросилась в пальцы. И под ладонями затвердела, пошла трещинами радужная пленка. Око с треском лопнуло, окатив ее ледяными осколками. И исчезло.

– Лампею убили! – тотчас заверещала баба за ее спиной.

– Ба-абку Лампею знахарка закл-а-тьем убила! – подхватила вторая.

Глава 2

– Беги!!!

Острая ветка полоснула по щиколотке. Выступила капля крови.

Другая ударила по глазам – да не тут-то было. Прыжок. И – заслонив рукой глаза – в чашу. Там, среди рыжих сосновых стволов да бурелома, легче оторваться от погони.

Треск веток. Ругань. Проклятия. Да где-то позади – потерявшийся в лесных шумах женский крик:

– Беги!!!

Лай и вой. По следу спустили собак. Одна из них пробралась через колючие кусты и уже так близко, что слышно ее отрывистое жадное дыхание.

Молодой маг развернулся всем корпусом, сложил пальцы щепотью и резко стряхнул заклятье прямо в оскаленную морду пса.

Гончак затряс широкой головой, замотал рыжими ушами, оглядываясь и словно недоумевая, как могла жертва, до которой оставалось каких-нибудь два прыжка, исчезнуть, раствориться в прозрачном, как сеть, сосновом лесу.

Маг осторожно, чтобы не наступить на ветку, прошел мимо озадаченного пса и сначала медленно, а потом бегом бросился в сторону дороги, где возле разросшейся бузины привязал перед злополучным свиданием своего коня.

Вороной зафыркал и тряхнул челкой, когда маг вывел его под уздцы на дорогу и ловко вскочил в седло. Заслышав погоню и зная нрав своего хозяина, конь рванул, не дожидаясь шпор. Облако пыли скрыло вороного и всадника.

Когда успокоилась кровь, обезумевшее от гонки сердце застучало мерно и спокойно, а грохот в ушах стих, маг придержал коня, а потом и вовсе остановился, спешился, достал из седельной сумки плащ, накинул на нижнюю рубашку. Пригладил ладонью густые черные, как челка вороного, волосы.

– Эх, парень, – ласково потрепав по шее коня, пробормотал маг, и озорная улыбка появилась на его губах, – не впервой, не надевши штанов, удираем. Но вот не снявши – такого у нас с тобой еще не бывало.

Вороной фыркнул, затанцевал на месте, выгнул блестящую черным лаком шею.

– Дуры бабы, – резюмировал черноволосый повеса, – все бы ломаться да цену набивать... а с другой стороны, Вражко, – весело обратился он к вороному, – если б не ломалась, так гнал бы меня ее муженек с голым задом по лесу как пить дать. В гневе и палочник – сила. Огрел бы твоего хозяина поперек спины, а? И не поглядел, что княжий маг, манус истиннорожденный.

Вражко согласно склонил голову, а его хозяин расхохотался да похлопал себя по груди, там, где под плащом с княжескими гербами виднелось исподнее.

– Как в таком виде князю покажемся, нахлебник? – снова обратился к коню юноша. – Что врать-то будем?

Конь снова фыркнул, и такой ответ явно удовлетворил его не к месту развеселившегося хозяина.

– И то верно, – ответил он. – Может, и врать-то не придется. Глядишь, не узнает Казимеж. Каська, хоть и глупа, на меня не покажет. Ради своего же бугая-мужа смолчит – знает, что значит захудалый палочник против княжьего мануса. Он без посоха своего пятки не почешет. А я – другое дело...

И молодой красавец маг вытянул вперед ухоженные бледные руки. Тонкие, без единого кольца пальцы сложились – и между ними пробежали едва заметные белесые искры. Маг, словно бы не глядя, стряхнул их в сторону на склонившуюся к дороге яблоневую ветку. Белые змейки побежали по листьям, юркнули в глубь ветвей – и тотчас маленькие, не больше лесного ореха, зеленые яблоки стали наливаться соком, порозовели.

Юноша сорвал несколько яблок, одно из которых сунул в губы покорно бредущему за ним вороному.

– Ешь, Вражко, – прошептал он, потрепав коня по лоснящейся черной щеке. – Вольное-то, оно слаще...

Конь прянул ушами. Маг спрятал белые ухоженные руки в черные перчатки. А через мгновение и сам услышал стократно повторенный лесным эхом гул голосов.

Погоня.

Молодой человек вскочил в седло и прищипорил вороного, но – странно – помчался не прочь, а в ту сторону, где гудели в лесу голоса.

– Посмотрим-ка, Вражко, кого гонят, – с мрачной усмешкой прошептал он, прижимаясь к лошадиной шее. – Лиса лисе всегда поможет от собак уйти...

Доброе ли сердце Илария заставило его поворотить в сторону, стройные ли ножки юной беглянки, бросившейся под самые копыта Вражко, – поди разбери теперь.

Вражко вскинулся на дыбы, девчонка – лет шестнадцати, не более – вскрикнула, бросилась в сторону, упала, споткнувшись. И едва успела подняться, когда на дорогу высыпали из леса ее преследователи. Остановились, заметив гербы на плаще путника, окинув завистливо-злыми взглядами красавца коня и стройную фигуру мага.

Увидев их перекошенные дикой яростью лица, манус облегченно вздохнул и отпустил поводья вороного. Среди запыхавшихся деревенских не было ни единого колдуна, способного ему противостоять: золотники, словники и манусы брезговали жить с селянами, а в толпе не видно было ни посохов, ни книг. У некоторых в руках были топоры да порыжевшие вилы, но этого оружия черноволосый маг не боялся. Не даст он деревенским подойти так близко, чтобы проклятый металл подействовал на его магию.

Поняв, что от погони не уйти, девочка прижалась к теплему боку коня, видимо, решив, что толпа взбешенных деревенских опаснее приплясывавшего на месте вороного. Вражко фыркнул – позволил ей положить руку на свой блестящий черный бок, втянул ноздрями незнакомый запах. В глазах девочки плясал страх, но она вымученно улыбнулась вороному.

Взбешенные этой слабой улыбкой, крестьяне двинулись было на нее, но Иларий вскинул руку, не снимая перчатки, сплел средний и безымянный пальцы – и почувствовал в самом центре ладони знакомое покалывание. Тогда он еще выше поднял руку над головой и принялся медленно покачивать большим пальцем, пока все полсотни наполненных злобой глаз не устали зачарованно в центр его ладони.

– И вы не отыскиали себе, – прошипел Иларий, – другого дела, кроме как бегать по кустам? Голос его постепенно креп и на последнем слове зазвучал уже грозно и властно.

– Я, манус Иларий, приказываю вам – идите по домам, и если хоть один из вас ослушается слова моего...

Иларий усмехнулся, позволив деревенским увальням самим придумать себе кару, и распрямил пальцы, сбрасывая заклятье в широко открытые глаза бестолковых преследователей. Науку общения с буйными селянами он знал хорошо – не раз, покинув через окно спальню, в дверях которой уже стоял очередной взбешенный рогоносец, Илажи приходилось, давась от смеха, прятаться по курятникам и сеновалам.

Деревенским мертвякам были не так страшны пустые руки мануса, как громоздкий, испещренный рунами посох палочника или вопли местного колдуна, припавшего к большому камню или старой искореженной сосне. Отсутствие этих знаков мага, внушающих трепет немытым землепашцам, манус восполнял картинными жестами, гневным взглядом да замогильными завываниями, которые порой действовали настолько хорошо, что заклятья не требовалось вовсе или хватало сущей безделицы, на которую и силы-то почти не тратится. Вот и теперь Иларий даже не потрудился снять перчатку и обнажить руку – перепуганная толпа мгновенно скрылась в зарослях. Еще некоторое время со стороны доносились треск веток да приглушенная ругань.

Маг наклонился и, подхватив беглянку, втащил на лоснящуюся черную спину Вражко. Девчонка прижалась к своему спасителю, вцепилась пальцами в край плаща. Погоня еще горела в ее крови – и крепкое горячее девичье тело льнуло к широкой груди мага.

Молодой человек крепче прижал ее к себе, даже сквозь перчатку и тонкую рубашку чувствуя, как дышит жаром загорелая кожа. В светлых растрепанных волосах девушки запутались веточки, сухие листья и пожелтевшая хвоя.

Если раньше он не дал бы беглянке больше шестнадцати, то теперь, рассматривая вблизи, уверился в том, что она на пару лет старше. Сильные руки и сбитые стиркой костяшки говорили о том, что на ее долю выпало немало тяжелой работы, а желтоватые кончики пальцев выдавали в ней травницу. Видно, ее искусство не слишком помогало маленькой лекарке, раз ей самой приходилось так много стирать.

Маг осторожно положил на талию лесной ведьме ладонь, прислушался, едва заметно переплетая пальцы. Усмехнулся.

Теперь стали понятны состиранные пальцы лекарки и ее натруженные руки – в крови девчонки не чувствовалось ни капли магии, а много ли можно заработать по деревням приворотными зельями да настоями от женских недугов. Маленькая мертвячка не вызвала бы на деревню дождя, используй она для этого хоть все скалы Росского хребта. И попади она в руки последнего слабенького палочника или захудалого книжника – несдобровать девчонке. Хорошо, если попавшийся на ее пути маг прельстится круглой попкой да пухлыми губками, а не возможностью вдоволь покуражиться над безответной и бесправной падалью.

Сам он никогда не опускался до того, чтобы тренировать свое искусство на мертвяках – несмотря на то что двор отца всегда был полон челядью, от рождения не способной к магии, Илажи учился на деревьях, дворовых собаках. А когда настал черед оборонительной магии – соседи в один голос уговаривали отца не слишком чистоплюйничать да поднатаскать щенка сына на живое мясо. Но Игнаций был не тот человек, чтобы, удержавшись в малом, согрешить в большом. Не позволил сыну истязать «существо мыслящее», хоть и обделенное колдовской силой, а, не поскупившись, пригласил маленькому Илажи учителя – палочника Тимека.

И многоученный Тимотеуш принялся за службу с рвением, с каким цепной пес кидается на щедрую господскую подачку. И резную свою палку использовал с неизменным усердием – только чаще не для колдовства, а для учения. Учил все больше по спине да по плечам, и потому юный манус возненавидел палочников. Знал Иларий, что злость на него срывает наставник на дворовых мертвяках. От учителя слышал он впервые это гадкое слово, да и много других. Как только не звал Тимек «мертворожденных» – «падалью», «мясом», «псовой костью»... И кость эта кланялась многоумному наставнику хозяйского сынка, потому как... ответить ей было нечем.

Пожалуй, если б мог Тимек использовать свою скудную магию против заносчивого мальчишки, едва ли щеголял бы сейчас его воспитанник своей гордой выправкой, не держал бы так высоко темноволосую голову.

А вот Илажи не утерпел – едва почувствовал, как складываются пальцы в силовое, огрел ненавистного наставника так, что старый ведьмачина покатился по двору, глотая пыль и пугая куриц. И почувствовал тогда Иларий впервые «отповедь» – ответ боевой магии.

«За ладонь – пальцем, – прошептал, ухмыляясь, вываленный в пыли и навозе Тимотеуш, склоняясь над скорчившимся от боли учеником, – а за жизнь – кровью».

Сам Тимотеуш, насколько помнил Иларий, ни разу не ударил заклинанием – только словом да палкой. Боялся старый проныра «отповеди». Только не спасало это дворовых – топились прачки в барском пруду, снимали в сараях и в овинах удушенных. И в голову не могло прийти поднять руку с вилами на истиннорожденного...

Попадись его учителю маленькая лесная травница, с тяжелым сердцем подумал Иларий, несдобровать бы девке. Сама бы на ветку пеньковую петельку закинула.

И молодой маг, отчего-то потеплев сердцем, покрепче прижал к себе девчонку.

Она дрожала – страх отпускал онемевшие мышцы. Непослушными пальцами нашла на шее узелок косынки и долго теребила, покуда справилась. Вытащила из волос кое-какой мусор, наскоро заплела косу, завязала перепачканной косынкой.

Илари́й пустил Вражко шагом, но тот никак не желал успокоиться после встречи с деревенскими и притопывал тонкими ногами.

Девочка попробовала отстраниться, вырваться из железных объятий мануса, только Илари́й усмехнулся и крепче стиснул ее загорелое тело.

«Эх, Каська, ломака чернобровая, задира́ла б поживей подол – глядишь, уже сидел бы княжий маг за столом Казимежа да пил из круговой, а не таскался по лесам с сомнительной своей поживой», – усмехнулся про себя Илари́й, ласково поглаживая руку и плечо своей невольной спутницы, словно успокаивая разнервничавшуюся лошадку.

Но девочка только глянула на него серьезными серыми глазами и тихо попросила:

– Пусти наземь, добрый человек.

– Может, и пушу, – весело отозвался Илари́й, – коли придет охота. Да только скажи мне, милая девонька, за что тебя по лесам добрые люди вилами гнали?

– За добро, – невесело улыбнулась лекарка.

– Гнали собаки лиску за добро да за рыжий хвост, – шепнул ей в ушко маг. Девчонка обиженно отстранилась и попробовала оттолкнуть затянутую в перчатку ладонь, бесцеремонно гладившую ее едва прикрытое разорванной рубашкой бедро.

– Уж не на рыжий ли хвост господин позарился – раз лисичку от собак спас? – дерзко ответила мертвячка, сверкнув гневным взглядом. – Только у этой лисички вперед хвоста коготки...

Илари́й невольно рассмеялся – отчаянная смелость желтоволосой травницы была ему по душе. Не часто встречались на его пути мертвяки, способные перечить истиннорожденному магу.

– Да и язычок у тебя, лиска... – пробормотал он, примирительно улыбаясь. – Тебе-то, верно, до поворота да во все стороны, а мне дорога одна – в город, так пока по пути – примиримся добром, побеседуем. А там – вольному воля.

Девчонка кивнула и одернула короткую – едва за колено – оборванную рубашку.

Илари́й тяжело вздохнул и отвел взгляд. Уж больно недружеские в голове бродили мысли.

Он остановил Вражко, спешил сам и помог спутнице. Повел вороного в поводу. Девчонка отступила на шаг в сторону, но шла вровень – не страшилась.

– А сама-то ты, девонька, чьего роду-племени, какой мамы доченька? – спросил маг.

– О племени не спрашивай – не родниться, о матушке – в земле матушка, – ответила лекарка. – А за то, что спас меня от участи страшней смерти – от сердца благодарю. И если будет тебе, княжий маг, нужда в моем искусстве – за услугу отплату услугой.

«Могла б ты мне услужить, – подумал с усмешкой Илари́й, – сам бы соломку подстелил...»

Сказал вслух:

– Имени не спрашиваешь, а обещанье даешь... А коли я сам Черный князь и попрошу тебя завтра дитя заживо варить – сваришь?

– Нет, – спокойно ответила лекарка, – не стану. И – будь ты Черный князь – в глазах моих об этом давно бы прочел. По гербам ты княжий маг, а потому сам знаешь, каково под хозяйской волей – сверх сил не попросишь. Спас меня и ничего не требуешь – значит, сердце у тебя доброе и гордое. Обещанье возьмешь, а от услуги откажешься, на свои силы понадеешься. А я тебе так скажу: увижу, что нужна, – сама приду.

Не вязались гордые слова с рваной перепачканной нижней рубашкой, спутанной косой да состиранными пальцами, только Илари́й не на пальцы смотрел – в лицо. И думал: такая полюбит, так горло любому за тебя вырвет – без магии.

Не приведи Землица...

– Хорошо, – сказал он, стараясь казаться по-прежнему веселым, – я, Илари́й, манус князя Казимежа, властителя Бялого мяста, принимаю твою помощь и беру в залог твое слово да волос с твоей головы.

Девушка удивилась странному залогу, но, не отводя ясного, доверчивого взгляда, рванула выбившуюся из-под косынки пару золотистых волосков и протянула магу. Он, ласково улыбаясь, намотал залог на безымянный палец:

– Только не позволишь ли узнать имя моей прекрасной должника?

– Агнешка, – прошептала девчонка. – Мертворожденная.

Она замолчала, напряженно ожидая его ответа. Станет ли истиннородный маг возиться с «падалью», с «собачьей костью»...

– Принимаю твою помощь, мертворожденная травница Агнешка, – торжественно повторил Илари́й, глядя ей в серые строгие глаза, и, внезапно широко улыбнувшись, добавил: – А не скрепить ли клятвы? Уж больно губки у тебя, моя радость, хороши.

И сгреб в охапку взвизгнувшую должника. Она выскользнула из-под руки, но Илари́й не лыком был шит – ухватил свою лисичку за подол рубашки, обнял крепко, поцеловал в розовые приоткрытые губы.

Вертелась девчонка, упиралась руками магу в грудь – сильная. Будь на месте Илари́я кто другой – отбилась бы, убежала. Только не зря получал Тимекову палку молодой маг – крепко держал, хоть и ласково. И беглянка, поддаваясь его настойчивым рукам, рвалась вполсилы, по-девичьи.

Илари́й шептал ей, уговаривал – кровь горела так, что все вокруг затуманилось, покалывание в ладонях перешло в неумолимое жжение. По пальцам потекли белые искры – до самой сути достала лесная чаровница мага, захлестнуло волной колдовской силы.

Он до боли сжал руки в кулаки, надеясь унять расходившуюся в нем выюгу – хуже нет, когда маг собственной силе не хозяин. Девчонку б не убить ненароком...

Илари́й сбросил с пальцев белые искры в траву – и сухая осока вспыхнула мгновенно и ярко и тут же погасла, обратившись чередой колючих ледяных игл. Но руки не слушались – по пальцам белыми змейками струилась сила.

– Беги, лиска! – крикнул Илари́й, стараясь отвести от нее онемевшие руки.

Агнешка сперва опешила, отступила, но, увидев, как заискрился разрядами воздух вокруг его ладоней, развернулась и со всех ног припустила в лес. Вскинулся Вражко, затанцевал в нерешительности, но, как заметались вокруг хозяина белые молнии, рванул в поле.

Илари́й со всей силы ударил ладонями в землю, чувствуя, как вмиг похолодевшая почва тянет из него взбесившуюся магию – осторожно, по-матерински. Заскрипели, на глазах разрастаясь, ближние деревья, пополз мох по камням – откуда взялась в повесе-манусе такая сила...

Измученный борьбой с собственной магией, он не заметил, как позади него из темной придорожной листвы вышли несколько человек с крупными узловатыми посохами. В плащах без гербов.

Палочник, что шел впереди, взмахнул рукой – и остальные, пятеро или шестеро, направили на коленопреклоненного Илари́я посохи. Молодой маг почувствовал, как сковало ледяным дыханием руки, как побежал, заставляя неметь усталые мышцы, по телу холодок заклатья.

Не успел он обернуться, разглядеть нападавших, как непослушные ладони взметнулись от земли – сбросили назад белые змейки. Кто-то из невидимых его мучителей вскрикнул коротко – и Илари́й почувствовал, как ударила по ребрам «отповедь». Убил.

Кто-то испуганно дернул посохом – хватка заклинания ослабла, черноволосый маг смог повернуться и глянуть в глаза нападавших. Злые глаза. Знакомые, только не припомнить, где видел.

Плащи без гербов. Иларий дернулся было к ним навстречу. Но один, зная, главный, шагнул к нему сам – стиснул челюсти, готовясь к боли, и ударил белой радугой в синие глаза Илария.

Глава 3

– Будешь знать, паскуда, как кусать руку, что тебя кормит! – Крепкий удар широкой ладони. Звон в ушах. – Будешь знать, потаскун, как пакостить там, где живешь! Вобью тебе, шленда, в глупую башку княжью милость!..

Еще удар.

Проходимец прижал уши и отчаянно завилял хвостом, надеясь разжалобить старого хозяина, но Казимеж был в ярости. Он снова ударил пса, и крупный перстень рассек Проходимцу щеку.

Пес взвизгнул, отскочил и с тоской уставился на хозяина.

Пожалуй, Проходимка ни в чем не обвинял князя – с ними, двуногими, всякое бывает. Попадет вожжа под княжий зад, так получать челяди шишки. И ему, Прохе, щедро пользующемуся хозяйской любовью, от гнева княжьего прятаться совсем негоже. Не дворняга – благородный, гончак чистых кровей. И хоть провинность его меньше жучьего уса, а по ушам съезжено знатно, да и рука у князя как поварская хлебная лопата, Прошка решил на хозяина зла не держать.

Проходимец заскулил, преданно заглядывая в глаза Казимежу, но князь больше не обращал на него внимания – смотрел вдаль, на темную кромку леса и белесую в сумерках дорогу. Ждал.

Злого человека ждал. Это Проха давно понял. В прошлый раз как злой человек приезжал – князь, сам не свой, едва не пришиб замешкавшегося стремянного да с хозяйкой целый вечер ругался. Вот и теперь хозяин рычал едва не с утра, бранился и раздавал почем зря затрепщины.

Разве не таскал ничего раньше Проха с княжьего стола – таскал, и, бывалоча, с самой ложки хозяйской, но посмеется Казимеж, подхватит свою миску да всю Прошке в морду: ешь, Проходимец, дружок любезный.

А тут – за утиную ножку по ушам.

Не в духе был хозяин, как шавкой обреханный, понурый, страшный, злой и словно бы настороженный. Вышел во двор, оперся на коновязь, вглядывался в полутьму, вслушивался. Вдохнул глубоко, на лавку под дубом сел, ссутулился. И снова все глядел, все слушал.

Да, видно, не слышал, потому как, когда из-за плетня появился Юрек, князь не повернул головы. Проха взбrehнул было, но Юрек пригрозил ему кулаком за княжьей спиной, а вслух громким ласковым голосом окликнул:

– Что, Проша, своих уж не узнаешь? Старый пустобрех...

И тут Казимеж не повернул головы, и Юрек, ссутулившись и изобразив на широком лице покорность, подошел еще ближе, надеясь, что князь наконец обернется. Казимеж махнул рукой, приглашая его сесть рядом. Проха тоже перебрался поближе к хозяину. Не нравились ему Ежкины глаза – черные, нехорошие.

– Милостивый государь... – начал было Юрек.

– Давай уж, братец, без чинов. Все по Землице ходим – уж какие государи нынче... Топь тебя побери... Вали свою печаль на княжью голову! Одной больше, одной меньше... с отцом твоим, Юрек, от одного учителя батогги принимали, тебя на руках нянчил – так уж и осерчаю, да не убью, Черному князю не отправлю... Каська опять?

Юрек вздохнул, распрямляя широкие плечи, тряхнул головой.

– Кабы только Каська... Укороти, князь, твоего любимца. Ведь шепчутся мужички. У всех жены, не все в ладу. А на бабий подол замка не повесишь. Мужички пошепчутся и... беды б не было. Змею у сердца греешь...

– Так уж и змею, – усмехнулся Казимеж. – Не всяк змея, кто шустрей тебя. Обнимали бы баб погорячей, так и Илажке б не разгуляться...

Под насмешливым взглядом князя Юрек потемнел лицом, придвинулся ближе и заговорил торопливым шепотом. Прошка подкрался, завалился под скамьей и принялся с видимым усердием гонять блох. Не на шутку разволнованный Юрек только толкнул его ногой, но не прогнал – и Проходимец жадно вслушивался в его сбивчивый быстрый шепот.

Только ровным счетом ничего не понял.

Илажка, княжин черноголовый любимец, зарился, по словам путаника Юрека, на чужое, только взял какое-то «свое» у Юрековой Каськи да «урвал» у Немирки, покуда ее благоверный таскался в Дальнюю Гать на рынок за новым жеребцом.

Прошка помотал головой, недоумеая. Немирка вовсе не выглядела как-то иначе, наоборот, повеселела и даже к нему, Проходимке, стала приветливей – и ежели Илажка что и урвал, то из такого места, что сразу и не заметишь.

Проха тихо зарычал, думая, не ухватить ли клеветника Юрека за ногу. Не рвал Илажка никого – в это Проходимец никак не поверил бы. Иларий ему нравился. Хороший он, черноголовый, щедрый. Собак, хозяйских ли, вольных, никогда не обидит. А бывает, злится старый хозяин, у всей дворни чубы трещат. А войдет Илажка, сверкнет веселыми глазами – и от его шуток повеселеет Казимеж. Уж глядишь – треплет по голове верного Проху да раз – полную миску со стола... С потрошками, с косточкой...

Нет, не мог черноголовый от Немирки рвать – большого сердца человек.

А если и урвал чего, так уж не от этой тощей черпальной ложки. Если б ему, Прохе, выбирать, от кого, рванул бы он от Каськи чернобровый. У той мяса – как на княжьем столе. Напутал, видно, бестолковый Юрек: это у Каськи черноголовый урвал, а у Немирки «свое» взял.

Да только Казимеж, видно, Юрека понял – нахмурился, покачал головой, языком прицкнул.

– Виноват Иларий, – пробормотал князь, – только что ж я сделаю, Юрек? Ведь молодого да холостого не то что князь – Земля-создательница в штанах не удержит...

Казимеж, озлясь на беспутника-любимца, хлопнул ладонью по шершавому дереву скамьи, но запечалился, уронил руку. И Проходимка тут же сунулся под нее ласкаться. Да не к месту. Князь оттолкнул широкую лопухую голову пса.

– Ладно, Юрек, – проговорил он медленно и строго. – С утра голова яснее. Я тебя услышал – себя послушаю... Подумаю, как с вами быть. А уж свою Каську сам крепче за подол держи... Теперь ступай, гостя встречать буду.

И Казимеж с мрачным и темным лицом пошел к дому – на светлой дороге, отделившись от черной кромки леса, показалась пара конных.

Опальный Прошка не рискнул вернуться в дом за хозяином, а остался во дворе – прилег под деревом и стал смотреть, как приближаются черные фигуры всадников.

Злого человека Проходимец узнал сразу: по длинному черному плащу с капюшоном да по прямой как палка спине. Эх ему так не скверно, словно аршин проглотил, подумалось Прохе. Псу более по нраву были спины смиренные, головы склоненные. От сутулых да угодливых княжеский лопухий любимец добра видел немерено – тот косточку подаст, тот за ухом почешет да потреплет по загривку, и все на князя смотрят, улыбки ждут. А от прямой спины, кроме пинка да палки, нечего и ждать. Куда там на собак смотреть, когда подбородком в небо тычешь...

Слуга Злого человека нравился Прохе не больше: его круглое мясницкое лицо было искажено страхом – видно, толстощекий не слишком доверялся силе своего хозяина. То и дело ози-

рался, словно ожидал нападения. Это слегка смягчило суровое недоверие Проходимца. Осторожность пес ценил среди самых драгоценных собачьих качеств и крепко уважал в людях. В бессмысленной смелости он, напротив, не видел особенного достоинства, и потому Злой человек вдвое казался ему противен – гаже прямой спины было совершенное бесстрашие княжьего гостя. Осторожный спутник его то и дело проверял притороченную к седлу сумку, не застегнутую – на случай засады. И, стараясь унять простительный всякому живому и смертному существу страх, ежеминутно касался рукой кожаной обложки книги, что на пол-ладони выглядывала из сумки.

Проха знал, что стоит лишь шевельнуться кустам, стоит мелькнуть в сгущающейся ночной темноте белым искрам, как выхватит толстолицый свою книжку – побелеет темная кожа обложки, засияет. И уж тогда держись...

Старый хозяин тоже, бывало, рассеянно думая о чем-то нехорошем, все хватался за свой большой перстень с зеленым камнем. А раз, давненько, видел Проха, как князь с колечка белые искры сбрасывал, когда на охоте случилось несчастье – молодого хозяина лошадь понесла. У самого молодого хозяина тоже колечко есть – вроде отцовского – да смелости-дурости, знать, не в пример больше. Как припустил его Огнетко по всем ямам да по бурелому, так и про колечко забыл – вцепился в поводья, вопит дурным голосом...

Злой человек кольца не носил. Не видел при нем Проха никакой другой блестящей человеческой прихоти. И книги или палки ни разу не видал. На что надеялся странный гордец, Проходимка и придумать не мог. Уж не полагался же он впрямь на своего толстомясого, насмерть перепуганного книжника.

Тем временем Злой человек со слугой приблизились, спешили. Казимеж вышел им навстречу, сдержанно улыбаясь, но напряженные складки между бровей не разгладились, стали глубже. Проходимец бесшумно потрусил к хозяину, остановился в паре шагов, невидимый в тени. На всякий случай принял, взгляделся в сумрак.

Старый хозяин пах вином и дегтярным мылом. Пес недоуменно повел носом. Разве Злой человек – девка, чтоб для него мыло тратить. Но, видимо, старый князь считал иначе, потому как не только тщательно умылся, но и переменял исподнее – от его одежды пахло чистотой. Уж какая девка – как к смерти готовился.

Этого Проха не любил. Чистого человека сколько ни нюхай, ничего не узнаешь. А уж Безноса придет – она и через мыло разнюхает.

Помимо кожи и лошадиного пота, толстолицый пах чем-то копченым... Прошка сильнее втянул носом – точно, свиной. И отменной, признаться, свиной, потому как запах не ударял в нос, а ласково струился, поддразнивал, заставляя рот наполняться слюной. Проходимец, околдованный этим запахом, сделал шаг. И Злой человек тут же обернулся, пару секунд напряженно смотрел в темноту, скрывавшую Проху, а потом возобновил разговор.

– Там... – заговорил было старый князь, но Злой человек кивнул – и он замолчал. И лицом как будто посерел, состарился под взглядом своего страшного гостя. Тот махнул рукой, и толстолицый слуга отошел и отвернулся, всем своим видом изображая, что разговоры господ ему вовсе не интересны.

– Не бойся, старый друг, тестюшка, – с нехорошей усмешкой шепнул Злой человек, – тот, кто нас услышит, никому и ничего не расскажет...

Видно, в словах этих померещилось Казимежу что-то такое, отчего его лицо – чужое и совсем старое – вовсе утратило цвета и светилось теперь в темноте мертвой белизной выглоданной кости.

– Говорил ли ты с дочкой, милостивый государь мой, – по-прежнему улыбаясь, продолжал Злой человек, – согласна ли Эльжбета стать... – гость не сдержал странного, похожего на лошадиное фырканье, смешка, – стать Чернской княгиней?

Казимеж еще раз оглянулся вокруг, бросил быстрый недоверчивый взгляд на толстяка и зашептал так же торопливо, с мукой в голосе, как еще несколько минут назад шептал сплетник Юрек:

– Не куражся, князь, я хоть и не высший маг, но человек гордый. Сам знаешь. Властелином родился, властелином жил и тебя не побоюсь – за дерзость...

– Не кипятись, тестюшка, не щи. – Оборвав пламенную речь хозяина, гость похлопал его по руке, отчего старый князь сморщился, как от боли. – Оскорблять я тебя и в мыслях не имел. Мы ведь с тобой, Казик, старинные друзья-приятели. Говорю правду, как есть: выйдет твоя дочь за Черного князя, не только блага и почести получит... Тут от моря до моря всякий ворон моей крови мечтает напиться...

Злой человек замолчал, и только его глаза, живые, продолжали что-то говорить примолкшему мрачному собеседнику.

– Ведь ты ж, тестюшка, не желаешь родной дочке зла? – вновь улыбнувшись, проговорил гость. – Так и не искушай Землицу редким дождичком. Объясни своей девчонке, что к чему. С какой стороны масло, а с какой – ржаной сухарь. Не мне тебе рассказывать, как оно бывает, когда у молодой жены сердце к мужу не лежит. Знаю я, что обо мне говорят. И не все лгут. Если не знает о том твоя дочка, растолкуй по-отечески. И тогда, если согласна она, – накрывай свадебные столы. Не согласна – мало ль княжонок с колечками да лоскутом земли, а не найдется согласной, так и книжница подойдет. У князя Милоша девок полный дом – не знает, солить, сушить или так раздать... Все равно сыну моя магия достанется – не пропадет, милостью Землицы-матушки.

Нехорошо смотрел ночной гость-балагур на Казимежа, холодно и зло, словно охотник, что к раненой дичи подбирается – уж знает, что обречена, да не взбрыкнула б. Пригляделся Проходимка к старому хозяину. Нет, не подранок. Знатный, видно, охотник Злой человек. Не добивать, свежавать приехал.

Казимеж выдохнул, сплел пальцы в замок:

– Согласна Элька, – выдал он нехотя, стараясь не смотреть в глаза гостю. – И мое слово каменное. Изломай меня радужная топь... да только вижу я, князюшка-зятек, что не все ты мне говоришь. Раз уж в главном порешили, так давай в малом все обговорим. Знаю, не нужно тебе приданого – все мои земли внуку достанутся, сыну твоему. Да я помирать не спешу. Дай слово мне, что Якуба не тронешь. Сам знаешь, он тебе не противник.

И скользнула в словах князя такая боль, словно напомнила о себе старая рана. Злой человек покачал головой:

– Эх, князь Казимеж, – проговорил он с беспощадной насмешкой. – Все обидеть норовишь дорогого гостя. Неужто ты думаешь, что мне нужна Якубова жизнь. Ему небось она и самому не слишком надобна. Если на рожон лезть не станет, воду мутить, если не будет от него угрозы и беспокойства – найдется ему место в Бялом и при моем наследнике. Будет жив, сыт, всеми почитаем. А ежели взбрыкнуть заохотится – тут уж не обессудь, тестюшка. Объясни сыну, как вести себя следует, и я слово свое сдержу.

– Сдержишь, – отозвался старый хозяин. – Ты всегда держишь. Только Землицей прошу, все, что было промеж нас раньше, – наш с тобой счет. Не губи детей. Мой долг – с меня бери.

Никогда не слышал Проходимка, чтобы хозяин так разговаривал. Куда вся гордость девалась хозяйская. Ссутулилась спина, заполнился тревогой и мольбой орлиный взор. Но Злой человек словно и не заметил перемены, расхохотался, похлопал братски князя по плечу.

– Возьму, если того пожелаю, – проговорил он. – Я руку твоей дочке предлагаю, Чернской княгиней хочу сделать. За это любая из Милошевых девчонок на косе бы удавилась. А ты говоришь – не губи! Насмешил ты меня, Казик. Помнишь, было время, звал я тебя так. Вот и сейчас пришла охота старое вспомнить. Давно это было. Вспомни, как ты меня называл?

– Помню.

– Владек. – Княжеский мучитель сверкнул улыбкой, блеснули в темноте ровные зубы. – Так и зови теперь, раз все решено, тестюшка.

Хоть и не боялся Проха людей, а от улыбки этой шерсть по хребту сама ошетижилась. Лют был Злой человек. Взглядом одним, казалось, из князя кровь вышеживал, выматывал душу тихим насмешливым голосом. Но не таков был князь Казимеж, чтобы без бою сдаваться. Горячая была в нем кровь, хозяев Бяломястовских. Самого Томаша Твердой Руки.

– Тогда был ты Владеком, а сейчас Чернский господин. Так и звать тебя буду, – отозвался он твердо, с трудом выдерживая взгляд гостя. – Велик мой долг, но не больше княжеской чести. Хочешь – взыщи с меня. Тебе ни книги, ни перстня, ни посоха для того не надо. Если же нет – так и не вспоминай. Дочь тебе отдаю. Давай о деле переговоров, чтоб недомолвок промеж нас не осталось. Разговору не оберешься, если за Эльжбету приданого не дам. На Элькину руку что возьмешь? Деньги? Камни? Мертвяков? Гончие у меня отменные – лучшую свору?..

Проха, уже подползший совсем близко к заветной сумке толстолицего – с волшебной книгой да копченой свиной ножкой, слышав последнее, зарычал было. Обиженный не столько словами хозяина, сколько прозвучавшей в них надеждой, что откупится он от гостя племенными собачками. Толстолицый оглянулся, подхватил с земли сумку и прижал к необъятному животу, погрозил Проходимке рыхлым кулаком. А Злой человек покачал головой. Не нужны были ему деньги, камни, холопы, собаки.

– Приданое хочешь дать? Мне, Черному князю Владу? – Он насмешливо приподнял бровь. – Пинту крови младенческой?.. Или ты не слышал, что я другой не пью... Не надо мне от тебя ничего, Казик. Я тебе по Землицын час благодарен буду за то, что ты для меня сделал. Ты мне глаза на силу мою открыл. Без тебя кем бы я был, мелким князьком, благодущным, ленивым да охочим до баб, был бы я Чернским государем, но с твоей легкой руки стал я Черным Владом. Так что ничего мне от тебя не надо. Нынче сила моя такова, что, пожелаю, все сам возьму. И низкий тебе за то поклон.

Гость насмешливо склонил голову. Толстяк, видно, все же слушавший господский разговор, заерзал, напоминая о себе господину.

– Что тебе, Коньо? – не глядя, бросил через плечо тот, кто желал, чтоб называли его Владеком.

Коньо припустил к хозяину мелкой рысью, лишив Проходимку последней возможности добраться до желанного лакомства. Проха приуныл, послушал вполуха, как шепотом совещаются гости, и потрусил прочь.

Уже сворачивая за угол, к кухне, он услышал:

– Есть в Черне одна надоба. Возьму за Элькой приданое. Небольшое, но учти, князь, за такое приданое и о тебе народ доброго не скажет. Не побоишься на одну черту с Кровавым Владом встать?

Казимеж кивнул: согласен, мол. Снявши голову, по волосам не плачут.

– Маги. Двое-трое, – четко, властно проговорил Злой человек. – Не ниже золотника, но лучше манусы. И с договором полного герба – подчинение жизнью. Можно каторжных...

Казимеж что-то заговорил в ответ, но Прошка уже не слышал. Из кухни потянуло свежим хлебом, шкварками... и собачий дух зашелся от радостного предвкушения. Девки, что при кухне, его не обидают. Подобраться поближе, как кухарка отвернется, и...

Глава 4

Получил, кажется, что хотел. Вот он – сытный куш.

Иной бы почел величайшим счастьем, Землице бы вечерню отслужил, с березовым ходом вокруг храма, обедами для бедноты и прочими приметами княжеской радости. Шуточное ли дело: получить в зятя самого Чернца. А на душе скверно, беспокойно, тягостно.

Откуда радости взяться.

Много лет ждал он, что придет за ним Кровавый Влад. Что вспомнит старое. Но нет, не так прост был Владислав Радомирович. Не станет он тратить людей и золото на бессмысленную войну. Ловок князь. С другой стороны решил зайти. К Эльке посватался.

Казимеж задумчиво преодолел гостевое крыло охотничьего дома и отправился к себе. Плясало на черном фитильке рыжее пламя свечи. Метались по сторонам тени. И в этих беспокойных тенях чудилась угроза.

Ноги сами повернули не в хозяйские покои, а налево, в небольшую спальню. В комнате было темно, но бяломястовский князь сразу понял, что его ждали. Белое пятно выделялось на фоне стены. Якуб Белый плат, наследник Бялого, сидел на постели. Не ложился – поджидал отца.

– Зажег бы свечу, Кубусь, – проговорил Казимеж.

В темноте закрытое белым платком лицо сына походило на голую кость. Сверкали в прорезях отбеленного полотна глаза – точно огоньки в глубоких глазницах. Словно сама Безноса пришла и ожидает князя для последнего разговора. От подобных мыслей на душе стало еще муторнее.

Благо Якуб, как послушный сын, поднялся к постели, открыл жаровенку с угольями и зажег свечу. Наваждение развеялось. Помянув радугу с ее присными, Казимеж сел возле свечи, не давая теням даже приблизиться к нему. Словно из их неверного трепыхания мог соткаться его будущий зять.

– Что скажешь, Якубек? – начал он, помолчав. – Прибыл Чернец. Готов Эльку взять. Я отдал. А все сердце не на месте. Как подумаю, что придется землю нашу, исконную, Кровавому Владу отдать – так кошки на душе скребут.

Якуб приблизился к отцу, положил руки на плечи.

– Не казни себя, – проговорил он. – В том я виноват. И никто другой.

– Да в чем твоя вина? – вскинулся Казимеж. – Радуга виновата. Судьба твоя несчастливая. Но не ты. Ты, Кубусь, лучший советчик мой.

– Советчик, но не наследник для Бялого. Будь я силен, не как прежде был, хотя бы как Иларий, не стал бы ты отдавать руку Элькину чернскому душегубу. А так, сам знаешь, какой из меня защитник земле бяломястовской...

Якуб замолчал, рассеянно поправил платок на лице. Казимеж не нашелся, что сказать. Все пересказано было не раз и не два за последние годы.

– Ты, отец, правильно поступил. Владислав Чернский – нравом крут и силен, как небесный страх, но в Черне у него порядок. И простой люд туда ехать не боится, и купцы, кто честно торг ведет, тоже. Говорят, не трогает Влад тех, кто сам под княжескую руку не сунется. Может, и в Бялом при нем будет все ладно.

– Лад на крови, – буркнул бяломястовский князь. – Что ж я наделал?!

– Не надо так. – Якуб хотел было обнять отца, поднял руки – и опустил, отошел к окошку, уставился в ночную тьму, далеко, на востоке, подкрашенную едва различимой рассветной зеленью. – Порой без крови никак не обойтись. Не защищаю я чернского душегубца, но скажу одно: ко благу Бялого ты решение принял. И теперь нечего себя корить. Влад силен. Высший маг свою землю защитить сумеет. Если при силе своей он во мне угрозы не почует, так оставит жить и даст за народ бяломястовский слово замолвить. Может, мертвякам и малым магам при нем будет вольготнее. Иларий говорит, сейчас много их истиннорожденные обижают, порой и до смерти мучают. А так, глядишь, переменится что-то. Иларий говорит...

– Иларий, Иларий, – не стерпел Казимеж, – целый день Иларий. Ото всех только и слышу. Иларий то, Иларий се. Или не я уже князь Бялого, а твой Илажка? Что ты мне им в глаза тычешь? Ты родному отцу говоришь, князю своему, что при нем в его земле народ мучают, мертворожденных до смерти доводят, не при палочнике убогом, не при книжнике – при золот-

нике не последнем! Вон он как тебя настроил, голову задурил речами своими веселыми, взором синим. Потаскун твой Илажка! Хоть и манус лучший, из благородной семьи, а блудлив и хитер как кот паршивый. Только жалобы мне на него. А ты этого паскудника мне в образец ставишь! Что о народе он печется вперед князя! Уж не хочет ли твой Илажка на престол бяломястовский сесть, с Черным князем вместо тебя да меня потягаться?!

Якуб, не ожидавший такой вспышки отцова гнева, сперва опешил, отступил, но после этих слов не стерпел:

– Зря ты, отец, с больной головы на здоровую валишь. Не делает Иларий ничего дурного. Но в жизни успел он повидать и нужду, и немилость. И умом не обижен, и силой. И сердце у него доброе, сам знаешь. Много видит Иларий, много понимает, обо всем мы с ним разговариваем. Понятно, о дозволенном. В дела государские я его не пускаю, а он и не просится. Говорим все больше о земле, о народе, о том, как народ бяломястовский защитить. Это сейчас они под твоей сильной рукой, батюшка, а наступит час, когда, кроме меня, калеки, да Илария – никого у них не останется. И часто дело Иларий говорит. Как станет известно, что ты руку Элькину Чернскому душегубу отдаешь, многие от тебя отвернутся. Знаю я наших старших магов. Кто с договором неполного герба, могут и уйти, к Войцеху или Милошу на двор. И ты не удержишь ни золотом, ни силой. Но, помяни мое слово, Иларий останется, потому что поймет, какая страшная нужда тебя на такой шаг толкнула. Вернее мануса Илажки у тебя слуги нет и не будет. Он за тебя, за меня, за Бялое жизни не пожалеет.

Казимеж слушал горячую речь сына и понимал, что зря заподозрил недоброе в Илажи. Как сын ему за эти годы стал Иларий. Все ночь эта проклятущая виновата. Ни единой звезды, все небо затянуло в одночасье сизой теменью.словно само небо от Влада Чернского пологом закрывается. Растревожил старую память Чернский гость. Болит душа, ноет. И всякий врагом кажется.

– Прости, Якубек. Не в Иларии дело, – выговорил Казимеж. – И про магов наших, и про все остальное знаю. Но за Илажку крепко не держись. Черный князь такого норовистого и синеглазого терпеть на бяломястовском дворе не станет. Убеди мануса – пусть учится голову склонять. Потому что еще не мертв я, но уже не молод. Лет пять-десять, и станет здесь хозяином Чернский Влад. И, если не по душе это Иларию, пусть уходит или учится в ножки падать Кровавому Чернцу. А то погубит вас обоих. И ничего ты сделать не сумеешь. Знает Черный Влад обо всем. Слышал бы ты, Кубусь, как он нынче надо мной куражился...

– Знает обо мне? – В глазах наследника был страх, но сильнее этого страха была горькая обида, которой не мог скрыть Якуб. Казимеж кивнул.

– Знает, как не знать. Скрывали мы ото всех нашу беду, только высшему магу наши хитрости – как открытая книга...

Казимеж бросил взгляд на сына и тотчас отвел глаза: так черен сделался взор Якуба под белым платком. Но Якубек скоро взял себя в руки, опустил взгляд:

– На Эльку одна надежда. Мудрая жена всегда найдет дорожку к мужу, сумеет повернуть все по-своему. А Элька хоть и девчонка совсем, и голова у нее не тем полна, а все-таки бяломястова.

Казимеж не ответил. Верно говорил Якуб. Умная жена быстро власть в свои руки заберет. На себе он это испытал. Пришла Агата в его дом тонкой чернокозой девочкой, скромной, застенчивой. А теперь какова. Владычица. Ведьма проклятущая. Никуда от нее не деться. Если пойдет в нее Элька, отольются чернскому упырю Казимежевы слезы. Да только не в мать Эльжбета, простовата, глуповата, капризна да влюблена без памяти. Не испортила бы дело...

– Верно говоришь, сынок, на Эльку надежда наша. Кто ж знал, что придется ей на себя заботу о Бялом взять. На заклятие этому сыну небову пойти. Но ты будешь с ней, посоветуешь, утетишь. А мать в три счета научит, как мужем вертеть. – Казимеж нехорошо ухмыльнулся. –

Дальнегатчинца жаль. Хороший мальчишка у Войцеха, но сунется под руку Чернцу – никто не спасет.

Якуб глубоко задумался, однако через мгновение поднял взгляд:

– А ты ушли Тадека. Домой отошли, пока о помолвке Элька ему не выболтала. Войцех – государь мудрый, найдет способ сына удержать. А там поумнеет, смирится. Тадеуш не глуп. Элька голову ему затуманила. А как станет Эльжбета женой Влада, Тадек отойдет, успокоится. Не так он воспитан, чтобы о чужой жене печалиться. Он ведь не таков, как Иларий...

Казимеж глянул на сына так, что тот осекся.

– Да, Илажку в штанах сама радуга не удержит. Нашел чем гордиться. Одни заботы от него. Да не о нем нынче речь. Спасибо тебе, сынок, за совет, за то, что не осуждаешь меня, хотя тебе первому в пору.

Они попрощались сдержанно и сухо. Как всегда прощались с того самого дня, как пришел в себя княжич после большой беды. Искалечила она Якуба, потерял князь наследника, но обрел такого советчика и помощника, о каком и мечтать не мог. Дело говорил Якуб, надо дальнегатчинца отослать. Да так, чтобы не мешкал. Обдумать надо. Умел думать старый бяломястовский лис Казимеж.

Долго ворочался в постели и все думал, думал. Об Эльке, о Владе, о Якубе и, как не отгонял он тяжелые мысли, о синеглазом манусе. И чем дальше думал, тем больше закипала в душе ярость, тем крепче сдавливал сердце страх за сына. Подведет Иларий своей дружбой Кубуса под Владов костяной нож. Один Якуб покорится, а ежели при нем останется такой баловень судьбы, как Иларий, сильный, умом скорый, – быть беде. Да какое там, о грядущем ли речь, когда вот-вот из-за Илажкиных проказ маги дворовые взбунтуются. Сколько раз говорено ему, ветру синеглазому, не зарься на чужих баб. Девочек мало? Вдовушек? Так ведь мнет под себя всякую, не разбирая. А разве ему какая откажет. Да, верен Илажка, силен, сколько раз беду отводил. Но беда ведь не всякий день в ворота стучится, а блудни и паскудства Илария то и дело разбирать приходится.

Темные, тревожные, страшные мысли бродили в уме князя. Затянули все, словно темные облака. А под утро сгустились в груди в тяжкую решимость. Едва выступил над дальним лесом алый край солнца, князь поднялся, кликнул мальчишку. Тот сонно принялся рассказывать господину о том, что гости, мол, со двора уже поехали, но князь не стал слушать. Ну их к радугам, гостей этих, убрались – и ладно. Хоть к Безносой. Князь наскоро умылся и велел вызвать к себе Юрека.

Тот выслушал приказ с опущенной головой. И потому не видел князь, как зажглась в глазах палочника мстительная радость.

– Да помни, живого привези, – бросил напоследок Казимеж. – Уморишь мануса, Юрек, шкуру спушу. И мужичков твоих не обойду. А если сделаешь все как надо – князь Бяломястовский благодарить умеет.

Юрек скрылся в утренней мгле.

Глава 5

Осторожно, крадучись. Чтоб ни единой хрустнувшей веточкой не выдать себя.

Горло перехватило. В ушах клокотало расхолодившееся от страха сердце. В животе ныло от голода и тревоги, но ноги, казалось, сами несли вперед. Только б не заметили.

Пятеро в темных плащах без гербов.

Под ногой треснула ветка, и Агнешка тотчас съежилась, прижалась к земле, пока светлые тонкие лучи обшаривали лес. Нити света распались на поисковые огоньки, но и те, покружившись над самой головой девушки, полетели прочь, к отряду, не заметив преследовательницы.

Что велели им искать? Какого врага? Едва ли растрепанную маленькую лисичку, босую, в оборванной рубашке, съехавшей набок косынке, с заплаканным и грязным лицом.

Только глаза выдавали в недавней жертве идущую по следу – в их серой глубине за пеленой страха и тревоги затаилась злость.

Горло вырвет...

Без магии...

Не приведи Землица...

Да только разве заметят огоньки в темноте под сводом перепутанных чернильных веток тьму, растущую в сердце? Куда им. Мимо пролетят, помашут стрекозиными крылышками. А глаза Агнешка на всякий случай закрыла, зажмурила до разноцветных мух – чтоб уж наверняка. И у палочников огоньки по глазам читают.

Светлячки-соглядатаи построились в лучи. Золотистые нити растаяли. Встревоженные ночными шорохами палочники опустили посохи, заговорили.

– Ну, пуганая ворона, – стараясь за смехом скрыть робость, бросил кто-то из них. – Кто в такую пору может здесь быть? Ну, пробежал заяц, птичка спорхнула, а уж вы за посохи... Вы бы так суетились, когда молодчика этого брали, глядишь, и Манек ехал бы верхом, а не в повозке.

– Ведь то брат мой, – засопел, а потом и всхлипнул другой. – Как к матери на глаза, когда Манека...

– Хватит, – прервал его причитания тяжелый властный голос. – Манек от змеи и паскуды родную землю избавил, за то и смерть принял... А уж с этим отродьем... Черный князь лучше нашего разберется, вымотает потаскуну кишочки...

Кто-то, невидимый в темноте, зло хмыкнул, всхлипнул братец бедняги Манека. Палочники пустили лошадей шагом.

Агнешка поднялась, двинулась, крадучись, вровень с отрядом среди темных стволов и переплетенных ветвей. И за ней, невидимая глазу, двинулась тень, потянулась к голове девушки прозрачной рукой, но в последний момент отпрянула.

Луна выскользнула из рыхлого облака, отчего дорогу залило жемчужным светом, и отряд оказался виден как на ладони.

Четверо ехали верхом, за ними на привязи следовал понурый Вражко. Пятый, всхлипывая, сутулился на козлах. Позади него на возу виднелось два тела – мертвый палочник и оглушенный Иларию. В свете луны белела лишь его нижняя рубаха, испачканная сажей и кровью.

Знал свое дело широкоплечий палач-палочник.

Едва оглушив черноволосого красавца мануса, он тотчас послал одного из своих подручных в ближнее село за подводой – того, что все всхлипывал по погибшему брату. Толку от него, видно, вовсе не было. Второго – в поле, за Вражко. Конь успокоился и мирно пощипывал траву, видно, полностью уверенный в том, что с его повесой-хозяином не может стрястись серьезной беды. Остальные наемники принялись разводить костер.

Головной из этого костра мучитель и прижег Иларию руки.

Когда рубиново-красная гроздь прогоревшего дерева коснулась белой, холеной ладони, манус застонал, от боли задышал тяжело и прерывисто, но колдовской морок не отпустил своего пленника.

Резко запахло паленой плотью.

Веки Илария дрогнули, но глаза оставались закрытыми. Широкоплечий палочник уронил на траву искалеченную руку мануса, крепко зажал пальцами вторую ладонь и приложил к ней горящую головню.

Снова стон.

Агнешка едва не вскрикнула, словно почувствовав боль недавнего своего спасителя. Закусила до крови губу, сжала кулаки, чтобы унять бессильную и бесполезную сейчас ярость.

Что может полуголая девочка-мертвячка против четверых взрослых мужчин, истиннорожденных магов?

Единственное, что пока могла она сделать для мануса Илария, – незримо следовать за его похитителями и разузнать, за что так жестоко обошлись с приближенным магом князя Казимежа наемники в плащах без гербов.

Одно она знала точно: не был красавец маг случайной жертвой. Караулили, ждали, знали, как ударить. И истязали не по приказу – от сердечной злобы. Местью тешились широкоплечий палач и его приятели.

Не рассчитали только, что не один поедет княжий манус. Не учли странной, да что там – страшной колдовской силы, пробудившейся в нем от одного поцелуя деревенской оборванки.

– Уходить велел, спасал, – пробормотала Агнешка, невесело усмехнувшись, – убить побоялся. А небось узнал бы, откуда сила взялась – не стал бы спасать. Закинул бы петельку на сосновую веточку – и виси, лисичка, по ветру рыжий хвостик...

Давно знала мертвячка Агнешка, что хоть магии у нее в крови не на грош, а чужая сила рядом с ней как буря расходится. Казалось бы, радуйтесь, берите, колдуйте. Простой деревенский ведьмак через нее по силе с золотником уравниаться может, палочник – со словником, золотник – с высшим магом...

Да какое там. Ветра дочь, Земли-матушки отступница – всем честным миром нежить поганую на первый сук.

От нахлынувших воспоминаний Агнешка вздрогнула, прижала руку к горлу.

Слабость дерется и кусается, а Сила – поймет и отпустит с миром. Нет, не убил бы ее синеглазый манус. Выслушал бы, понял, погладил холеной белой рукой по волосам. Да, может, поостерегся в другой раз целовать. Но не убил бы.

А теперь сам болтался на возу, как мертвец, с мертвецом о бок. Не спасла колдовская сила. Силен волк против брехливой шавки, но не против своры. Навалились вместе, связали заклятьями, затуманили черноволосую голову колдовским сном. И мчится свора к хозяину со знатной добычей.

Легко ступая по колкой хвое, Агнешка кралась вдоль дороги, пока лес не измельчал в спутанный подлесок, а потом и вовсе вышел. Растеклось во все стороны молочное в лунном свете поле. Ровное и белое как ладонь. Все видно.

Агнешка остановилась у кромки поля, все еще скрытая листвой, и беззвучно заплакала.

Четверо верховых заторопились, лошади пошли охотнее, видно, чувствуя близость дома. Даже возница на подводе выпрямил спину и принялся резвее погонять лошадку, отчего головы лежащих на возу покачивались из стороны в сторону в такт цокоту копыт.

Маленькая лекарка села на траву, собрала в горсть несколько колосьев, потерла между ладонями и высыпала в рот мягкие ржаные зерна. Слезы текли по грязным щекам, наливаясь чернотой. Над дальним лесом – узкой щетиной елей – небо зазеленело, готовясь к рассвету.

Агнешка вскочила, торопливо, путаясь босыми ногами в высокой траве, вышла на дорогу. Присела, взглядела в следы на песке. И почти побежала вслед за всадниками и повозкой. Но не догнала. Видно, торопясь до рассвета добраться до дому, наемники оставили осторожность и не щадили лошадей.

Недалеко от места, где песок был весь изрыт лошадиными подковами, Агнешка отыскала спрятанные в дупле плащи. Вытащила один – к чему разбойничий плащ мертвому Манеку – набросила на плечи, слилась с темнотой. Может, так удастся подобраться поближе к логову похитителей.

Но за поворотом дороги она увидела лишь обнесенный с одной стороны частоколом десяток домов и россыпь хозяйственных построек. По всему видать, охотничий двор. Всюду было пусто и тихо, словно и не въезжала недавно на хозяйский двор «свора» с добычей – мирно

спали за частоколом, тихо шептала листва, чесалась под одним из домов сонная собака да где-то в стойле фыркали лошади. Раздалось тоскливое ржание – не Вражко ли?

Агнешка присела на корточки под частоколом, прижалась глазом к щели между бревнами.

Петух прошаркал по двору, вскочил на скамью и несколько раз хрипло вскрикнул, глядя в небо, где прозелень сменилась желтизной, уже разбавленной снизу мягким розовым светом. В домах проснулись, засуетились. Пробежала к колодцу девка с ведрами, прогнала собаку от крыльца.

Агнешка поискала щель пошире – разглядела часть двора, знакомую подводу, уже пустую. На крыльцо, под которым еще с минуту назад мирно спал широколобый гончак, вышел крупный старик, одетый богато, с зеленым перстнем на руке, а следом – знакомец, широкоплечий наемник-палочник. На этот раз мучитель был при гербах: на плечах его горели золотым шитьем лисы. И у Илария были лисы, с недоумением и страхом подумала девушка. Неужто и манус, и его губитель одному хозяину служат?

Палочник снял в головы капюшон. Агнешка разглядела темно-русые волосы, остриженные кругом над низким лбом, маленькие злые глаза.

О чем заговорил с ним хозяин, Агнешка, как ни старалась, расслышать не смогла. Палочник бросился исполнять приказ – скрылся за углом дома, а старик с зеленым перстнем снова вошел в избу, грохнув в сердцах тяжелой дверью. Знать, важный старик, не иначе сам князь. Что делать князю в лесу?

За всю свою жизнь не бывала Агнешка в Бялом, батюшки-князя в лицо не видела. Обещала матушке, что, сколько можно будет, не станет в стольный город рваться. В лесу, по деревьям про чудную ее природу, про Землицын подарочек мертвяки долго не догадуются, а среди магов, да при том сильных, – тотчас разглядают, что непростая перед ними мертвячка.

Теперь жалела Агнешка, что не видела ничего, кроме деревень и лесных трав. Знать бы, что к чему. Чем провинился красавец манус перед своим господином, да так, что наемники руки молодому магу прижгли – силы старались лишить. И с собакой хороший хозяин такого не сделает. Разве можно живую душу так мучить... Да разве может быть это бяломястовский князь? Не могла Агнешка этому поверить. Хорошее говорили о Казимеже: что властитель он добрый, берет свое в меру, последнего не тронет, чужого не желает. Во все его княжение Бялое место жило миром да спокойствием, усы во щах, щит в паутине.

Может, снова обман. Видела Агнешка, как переменяли одежду лесные разбойники. Видно, не впервой им глаза людям отводить. Может, и не князя Казимежа это люди. Мало ли, что лисы на плащах, может, и плащи ворованные. Известно, что старик этот приказал Илария пытать. Дознаться бы, кто он. Неужто...

Агнешка прикрыла рот рукой, даже и в мыслях боясь высказать свою догадку. О Черном князе говорили мучители. Что, мол, Владислав кишочки манусу вымотает. Уж не он ли то был?

Агнешка попыталась было заглянуть под створку ворот, но дремавший до сей поры пес неожиданно вскинулся и рванулся к ней с заливыстым лаем. Девушка прижалась к частоколу, надеясь, что брехливый широкомордый гончак не пролезет под воротами, но пес, пару раз бросившись на воротину, принялся, фыркая и рыча, яростно копать землю.

– Проходимец, песий сын, – прикрикнула на явившегося гончака девка, – гостей высоких разбудишь, так батюшка-князь тебе глупую голову оторвет да на забор приладит...

– Не разбудит, – ответил сердито мужской голос, – высокие гости уж до рассвета поднялись. Хозяин ихний проводника взял. Место пошел смотреть, где с княжичем беда приключилась. А подельнички его со двора поехали. Говорят, весточку получили, дело имеется. Знаем мы эти дела – черные делишки, не приведи Землица...

Невидимый брюзга громко сплюнул и пошагал прочь, а девка, вполголоса молясь заступнице, все же принялась оттаскивать пса от ворот...

Агнешка улучила момент и, подхватив полы плаща, припустила в лес.

Запахавшись, присела на поваленное дерево и улыбнулась: здесь злодей-палочник, значит, и Иларию здесь. Будь хоть Черный князь, хоть кто другой – она не отступится. В ворованном плаще и рваной рубашке не пробраться, но лекарка на каждом дворе нужна. До Вечорок добежать, покуда деревенские не хватились, взять из дому травы, снадобья, и по знакомой дорожке сюда – наниматься в услужение к старику с зеленым кольцом. Чай, на старости лет здоровье уж не то, да и мужская сила поистратилась, а девка, что собаку от ворот отнимала, уж очень была хороша.

Агнешка недобро усмехнулась, поплотнее закуталась в плащ и пошла, а вскоре и побежала в ту сторону, где над лесом маковым цветком алело солнце. Длинная призрачная тень отделилась за ее спиной от частокола. Сильный маг – словник или золотник – приглядевшись, увидел бы больше: бледное неподвижное лицо и темные озера глазниц. И в этой темноте на мгновение вспыхнули две далекие звездочки, но тотчас погасли. Бледное лицо повернулось навстречу просыпающемуся солнцу. Нежданный ветер упал с высоты, пронесся под частоколом, шевеля метелки травы, и призрачная гостья, казалось, растаяла от его дыхания. Только две искорки еще горели в утренней полутьме, словно чей-то внимательный взгляд.

Деревня опустела. Видно, все были на покосе, только бродили куры, возились в пыли ребятишки да дремали в тени разморенные духотой старухи. Однако идти по деревне Агнешка не отважилась – прокралась по гуменьям. Перепрыгнула через палисад возле соседской избы – и обмерла. Не простили селяне маленькой лекарке радужной топи и бабки Лампеи. На месте дома высилась груда обгорелых бревен. Лечебные травы в огороде были вырваны и вытоптаны. Агнешка закрыла ладонями лицо, тряхнула головой, отгоняя злые мысли.

Не до обид.

Перемахнула обратно через соседский палисад, пробежала огородом. На бегу вытащила из грядки репку да пару морковок, сунула за пазуху и нырнула под низкий навес сеновала. Ловкая как кошка, знахарка забралась наверх, запустила руки в сено и вытащила маленький холщовый мешочек – заглянула, улыбнулась. Не пропасть белке зимой, если в каждом дупле кладовочка.

Спрыгнула вниз. Так же осторожно, по-за деревне, по заросшим крапивой козым тропам, добежала до старого дуба, сунула руку в дупло – и тут не отыскали.

Завернув находку в плащ, Агнешка торопливо пошла к реке, там, возле камня бабки Лампеи, в поваленном дереве – туесок и чистая одежда.

У реки было тихо. Мягко светилась вода. Зацветала – пахло зеленью, тиной, рыбой. В животе предательски заурчало. Агнешка вытащила из-за пазухи морковку, потерла о подол и торопливо съела, оглядываясь, – все ждала, не пойдет ли кто из деревенских постирать к запруде, не соберется ль пастушок Янек напоить своих пеструшек.

Туесок и чистые юбки оказались на месте. Радуюсь, что так хитро скрыла от деревенских свои тайники, Агнешка встряхнула одежду, разложила на горячем песке.

По воде плясали блики, манили в зеленую прохладу воды – к нам, к нам, Агнешка, к нам, к нам...

Забежала в воду, вымылась наскоро и нырнула в чистую рубашку. Расчесала спутанные волосы. Вдохнула.

Почти год прожила она здесь, в Вечорках. Ходила на реку купаться и стирать, лечила деревенских и скотину, пела в сумерках с бабами и девками, как все выходили на гулянье. И думала, что уж больше не придется бегать.

Хорошо, взяла свое старая привычка, заставила Агнешку рассовать по дуплам и овинам котомочки «на черный день».

Агнешка встряхнула на расстеленную верхнюю юбку свое богатство: несколько монет, глиняные плоские бутылочки с мазями, мешочки с травами. Попрятала самое ценное по тай-

ным кармашкам на нижней юбке. Жаль, крестоцвет не успела досушить – сожгли мужички весь урожай вместе с избой.

Пока одевалась, вздыхая, натирала мазями сбитые, исхлестанные ветками ноги, зазевавшись, не заметила, как вышли из лесу трое.

А когда заметила – бежать уж было поздно. Притаилась за зеленой стеной камыша.

Старик-староста шел впереди, тяжело опираясь на палку. Двое его спутников – дорого одетых чужаков, словно раздосадованные словоохотливостью и медлительностью старосты, оглядывались по сторонам. Один, толстолицый, красный от жары, с сумкой через плечо, то и дело переспрашивал. Другой же, великан-горбун в бесформенном синем плаще, останавливался, словно бы и не слушая деревенского болтуна, всматривался в траву и следы на песке. Все выдавало в нем закрайца. Лицо его скрывал низко надвинутый капюшон, виднелись лишь длинные белесые пряди, что свешивались из-под капюшона, когда великан опускал голову, вглядываясь в одному ему видимые следы.

– Вот туточки все и было, – произнес староста, заметив, что высокий внимательно осматривает Лампеин камень, водя по нему длинными смуглыми пальцами. – Тут она бабку, ведунью нашу, изломала.

– Так уж и изломала? – переспросил толстяк. – Руками, что ль, знаки делала? Аль слова какие говорила?

– Не-ет, – замотал головой староста. – И руками не делала, и слов не говорила. Бабка говорила, а эта только, как бабку ломать начало, закричала, да на камень полезла, руки в самую радужную топь сунула.

Высокий недоверчиво хмыкнул из-под низко надвинутого на глаза капюшона, который, видно, не тяготил его, несмотря на зной. Толстяк, снова прикинувшись простачком, изобразил на круглом лице удивление:

– Так-таки в самую топь? Ну-тка, Расскажи-ка, батюшка, как все было...

Староста потер бронзовый от жары и напряжения лоб, припоминая вчерашнее:

– Как есть намередни собралась мельничиха родить. Так Лампея, ворожея наша – прими душу ее мать-Землица, – давай с бабами помогать. Ан плод-от не идет. Она роженицу на камень этот привела – колдует. А мельник, лубяная голова, как видит, что женке неумоготу, запричитал. И побег к лекарке, мол, помоги. Лекарка сюда, баб разогнала, Лампею обругала, девчонка, ветряная сопля – старого человека корить...

Мельник укоризненно погрозил кулаком невидимой злодейке, и Агнешка почувствовала, как ее шею и уши заливают краской стыда. Она осторожно подобрала с земли туесок.

– Все в деревню побегли, ан слышим – разродилась мельничиха... Бабка давай ее опять на камень – силы вернуть и всякое-такое бабье... А лекарка вроде как уснула. А тут как хлопнет...

Староста, видимо, желая произвести на нежданных слушателей впечатление, со всей мочи ударил палкой по камню. Агнешка вздрогнула, едва удержав готовый сорваться крик, но высокому чужаку оказалось достаточно и ее короткого вздоха да шороха тростника. Закраец резко обернулся. Блеснули зеленым огнем глаза из тени под капюшоном. И незнакомец с полувзвериным рыком бросился от камня к зарослям, за которыми укрылась девушка. От еле заметного движения его руки перепуганный староста рухнул задом на траву, переломив палку.

Агнешка прижала к груди узелок и рванула изо всех сил в другую сторону, к близкой кромке подбирающегося к реке подлеска.

– Игор, – окликнул своего спутника толстяк.

– Она это, – прорычал горбун, проламываясь сквозь плотную вязь веток, – она... Вечор-кинская ведьма...

Толстолицый, путаясь в полах плаща, вытащил из сумки книгу, поднял на вытянутых руках над головой. Темная растрескавшаяся кожа засияла на солнце маслянистым светом. Тол-

стык пошевелил губами, краснея от напряжения. По корешку книги потекли белые ручейки-искры.

Агнешка почувствовала, как по плечам ухнуло сковывающее заклятье. Ухнуло и отскочило. Она нырнула в можжевельник, проползла в самую середину – где кусты, усыпанные еще зелеными ягодами, вытянулись выше человеческого роста, сжалась в комок, накрывшись ворованным черным плащом. Зря старался чародей-книжник: не по зубам его магии оказалась маленькая лесная травница.

– Матушка-Землица, отведи чужака...

Губы онемели от страха – не давали произнести молитву. Но услышала Земля, укрыла дочку колючим зеленым плащом.

Рыча и втягивая носом воздух, чудовище бродило рядом, бесшумно ступая по листьям. Только яростное звериное дыхание выдавало его да синий отблеск плаща. Однако терпкий хвойный запах надежно скрыл беглянку.

Игор побродил, прислушиваясь.

Где-то на краю березняка толстяк звал его, уговаривая не пугать до смерти девчонку, оставить в покое.

– Не она это, не она, – подпевал толстяку оправившийся староста. – Наша-то еще вчерась утекла, чернявый манус увез...

Глава 6

– От меня не скроешься...

Мелькнула меж стволов белая юбка. Он бросился следом, ломая ветки. Сердце колотилось так, словно готово было выпрыгнуть из груди.

Вот она – прижалась спиной к шершавому березовому стволу, расплескались по ветру золотые локоны.

– Теперь не вырвешься...

Сгреб в охапку, едва владея собой, прижал к колотящемуся сердцу.

– Любовь моя... сердце мое... ласточка...

Эльжбета не отстранилась, только притянула Тадеуша к себе, поцеловала в висок, прошептала:

– И ты – мое сердце...

Тадек подхватил княжну на руки. Она засмеялась, запрокинув голову, и волосы хлынули, как солнечный свет, ему на плечи, заструились до самой земли.

– Солнце мое...

Так на руках и нес ее через рощу к пруду. Усадил у воды на траву, прилег рядом, положил голову на белый подол. Элька задумчиво смотрела на воду. В пруду тонули облака, пышные, белые и лохматые, как нестриженные овцы.

Тадеуш зажмурился, стараясь запомнить все это.

Эльжбету, запах травы и тины, расплывшиеся в воде облака...

Княжна казалась непривычно молчаливой, даже грустной, а Тадеуша рапировало от радости. В конце концов, хоть он и обещал Казимежу до поры до времени не открывать тайны Эльжбете, Тад не удержался, заглянул ей в лицо, поцеловал в напряженные брови и прошептал:

– Все будет хорошо...

Эльжбета невесело улыбнулась, но Тадеуш гладил ее лицо, покуда складки не разгладились, не смягчились линии.

– Я вчера говорил с твоим отцом, – прошептал он, касаясь губами ее уха. – Он дал мне слово, что, едва мне исполнится восемнадцать, он отдаст мне твою руку. Он согласен, Элька!

Какой-то месяц, и все исполнится... Завтра я еду домой, к батюшке. Обговорю с ним все. А там – вернусь.

Заметив, что светлые брови княжны снова нахмурились, Тад заговорил быстрее, с жаром:

– Ты не думай, Элька. Все как нужно будет. Сваты. Подарки. Отец все сделает. И муж из меня будет хороший, потому что мне, кроме тебя, никто не нужен...

Эльжбета не ответила, только кивнула. Вынула из-за рукава шелковый белый платок, вложила в руку – на память.

И Тад прижал маленькую белую руку с платочком к своему сердцу.

– Что ты, солнышко мое, ласточка? Не навек прощаемся.

Эльжбета склонилась к его плечу, провела рукой по щеке, заглянула в глаза, серьезно, строго... Видно, собиралась что-то сказать, но в этот момент на лесной тропинке показалась вдалеке запыхавшаяся от бега нянька.

– Эленька, красавица, душенька, – бормотала она, припадая от усталости на левую ногу и держась за сердце. – Уж вас матушка искала. А вы, мой государь, – строго обратилась она к Тадеушу, – шли бы лесом да девушку не смущали.

Эльжбета вскочила на ноги, отряхивая с подола травинки. Тад улыбнулся старушке няньке, подмигнул, не в силах сдержать вскипавшего в сердце счастья. Долго думал князь Казимеж, давно знал, все тянул. А тут в один день переменялся, сыном назвал, обещал Эльжбетину руку, как выйдет Тадеушу возраст. Знать, понял, что лучше его, Тадека, не сыскать Эльке мужа. А что молва брешет, то пустое. Что босяки о княжеском знают? Пусть говорят, что вздумается, а ему сам Казимеж Бяломястовский слово дал!

– Всего месяц, Эля. Жди сватов! – крикнул Тадеуш вслед княжне. Она обернулась и одними губами прошептала...

Глава 7

– Мое сердце...

Неслышно, одним дыханием, так и не выговорив вслух. Видно Судьбой так предрешиено: идти с опаской, говорить вполголоса, жить с оглядкой на людей.

Вот он, Иларию, говорил всегда в голос, по стати, по взору сразу видно, что никогда не приходилось ему пригибаться к земле, спасаясь от брошенного камня. Еще бы, манус истиннорожденный, не мертвяцкая проклятая порода.

А теперь лежит красавец Иларию, не в силах защитить себя от обидчиков. Достанется Черному князю.

Агнешка закусил губу, пытаясь сдержать едва не сорвавшийся возглас.

– Ну, что, убедилась, что не он это? – буркнул стоявший в дверях парень. – Иди теперь, пока господин Юрек не вернулся.

– Бедный, – запричитала Агнешка. Она вырвала руку из пальцев охранника и подбежала к Иларию. Склянка с настоем уже была в рукаве. Лишь одно мгновение, чтобы бутылочка выпала из рукава в ладонь, выскочила из горлышка восковая пробка. Агнешке нужна была лишь еще одна секунда – влить хоть несколько капель в рот Иларию, чтобы облегчить боль и продлить спасительный сон.

– Э, девка, а ну пошла вон, – свирепым шепотом проговорил охранник, сделав шаг к Агнешке. – Никакого не брата ты ищешь. И тебе этот потаскун голову заморочил. А ну пошла, пошла. Не хватало еще...

Он не договорил. За дверью послышались голоса. Перепуганный парень больно ухватил Агнешку за руку, толкнул в одну из боковых дверей и, рыкнув: «Сиди тихо», захлопнул дверь.

Агнешка и не пыталась сопротивляться. Она оглядела комнату, подождала, пока стихнет шум в той, где лежал Иларий. Торопливо влила лекарство в рот беспмятному, но повязки осмотреть не успела. Снова хлопнула дверь, раздался голоса.

Агнешка одним прыжком скрылась в комнате, куда затолкал ее второпях охранник. Осмотрела другую дверь, ведущую в глубь дома. Конечно, она была заперта. Здесь, в этом доме, куда никто не приходил по доброй воле, все двери были опутаны ловкими магическими скрепами, несложными, по силам палочнику. Видимо, надеясь на эти колдовские замочки, здешние охранники не слишком заботились о том, чтобы следить за обычными замками. Мертвяк может сломать любую задвижку, но с колдовством не справится никогда. Агнешке хватило пары мгновений, чтобы воспользоваться своим даром. Она накрыла ладонью магический замок на двери, и тот тотчас истаял, стек тонкой струйкой, но не в руку лесной лекарки, а вниз по ее рукаву на пол и, просочившись сквозь доски, ушел в землю.

Агнешка скользнула к двери в надежде успеть выскочить на улицу прежде, чем ее хватит оплошавший охранник. Хотя и отдала ему Агнешка все, что у нее было, до последнего гроша, чтобы «добрый господин» позволил ей посмотреть среди невольных постояльцев дома ее непутевого пропавшего братца, а все-таки невелика была плата за гнев начальника-палочника. Много про него Агнешка наслушалась, пока бродила вокруг дома, думая, как попасть внутрь.

Видно, суров был этот господин Юрек, потому что боялись его все едва ли не как самого Черного Влада. Кому служил он, Агнешка так и не дозналась. Стоило завести разговор, как тотчас смолкали все, отводили глаза. Словно боялись накликать беду.

Агнешка сунулась было в дверь, но тотчас спряталась за угол, едва не налетев на чью-то широкую спину.

– Имеешь ли права за него говорить и отпечаток ставить? – спросил кто-то, невидимый из Агнешкиного угла. – А то так мне каждый встречный-поперечный убогого приведет, а потом семья явится. А деньги немалые князь за таких дает.

Кто-то завозился, захрипел, тихо забормотал сердито. Потом что-то стукнуло, словно ударили палкой в пол или набожный крестьянин слишком усердно приложился лбом в земном поклоне.

– То дед мой, – прогудел широкоплечий посетитель. – Вот и грамоты все при нас. Пройшей весной ума лишился. А когда оставался в себе – манус был знатный. Милошу-старшему служил по молодости, мать говорила. Пока служил, на бабке женился. И сюда, в Бялое, переехал.

– Это как ты при таком деде в мертвяки вышел? – зло поинтересовался другой голос. – Не водишь ли ты нас за нос? Уж больно дед твой запаршивел за полгода-то...

– Бабка мертвячка, но красавица была, говорят, – отозвался парень, – вот и не устоял дед. Потом хотел ее со двора согнать, когда все от него отвернулись, но она уж понесла. Жалко стало. А бабка не забыла. Как дед с ума спятил, все припомнила. Она меня к вам отправила, деда продавать.

– Не продавать. В Бялом истиннорожденных не продают, не закрайцы мы все-таки. Деда твоего в услужение Владислав Радомирович Чернский нанимает, на полный герб, на щедрое жалованье. А не желаешь, так забирай своего полоумного деда и проваливай. Бабка его послала. По своей воле б не пошел? – насмешливо спросил покупатель. – Деньги-то ведь хорошие.

Звякнули монеты. Видимо, продавец подбросил деньги на ладони.

– Забирай деда, – буркнул парень, – пусть служит... князю Владиславу Радомировичу. Хотя бабка браниться перестанет.

Снова завозилось что-то на полу, забормотало.

Охранник, тот, что оплошал, позволив Агнешке войти, протащил мимо нее упирающегося потрепанного старика. Она вжалась в стену, надеясь, что ее не заметят. Парень заметил, глянул зло, мол, не высовывайся, и поволок свою жертву дальше по коридору. Новый слуга Чернского князя упирался и бормотал что-то, то и дело складывая и переплетая пальцы с несвойственной его возрасту ловкостью. Видимо, в прежние времена старик и правда был хорошим манусом. Но слетавшие с его пальцев белые искры поглощали уродливые стальные наручи. Внук-продавец торопливо пошагал прочь, словно боясь, как бы не отняли так легко доставшееся золото и не вернули постылого и полоумного деда.

А покупатель, вершивший сделки именем Чернского Влада, широкоплечий палочник с бяломястовскими лисами на плечах, широким хозяйским шагом прошел туда, где лежал Иларий.

– Что, лежишь, манус, лежишь как мешок с соломой? – проговорил он, поднял брезгливо, двумя пальцами правую руку мага и с силой бросил на скамью. Беспамятный застонал. – Этой рукой ты колдовал? Этой рукой обнимал мою жену?!

Мучитель размахнулся и ударил посохом раненого, потом другой, третий. Медленно зароились змейки силы, пытаясь сохранить жизнь своему хозяину. Веки Илария дрогнули, и Агнешка порадовалась тому, что успела дать манусу свой отвар. Сколько бы ни работал мучитель своей палкой, а пробиться сквозь плотный полог колдовского сна не сумеет. Лекарка Агнешка знает свое дело, жаль только, что крестоцвет пришлось брать лишь чуть подвяленный, сухой был бы в самой силе.

Палочник еще раз или два опустил свой посох, надеясь выбить из раненого хоть один стон страдания, но лекарство Агнешки уже укрыло Илария глубоким спасительным сном.

– Ничего, паскуда, – прошипел он. – Сколько можешь, прячься за своим беспамятством. От меня спрячешься, а вот от Чернского Влада – едва ли. И там уж тебе, потаскуну, будет не до чужих жен.

Юрек с досадой ударил посохом в пол, так что сила бросилась в наверх, расцвела большим белым цветком перепутанных магических нитей, и вышел, скинув часть колдовского заряда на замок. Агнешка невольно потеряла руку – на такой замок ладонь положить она бы не отважилась. Сила палочника была невелика, но хранила такой отпечаток его неистовой ярости, что эта злоба опалила бы ладонь не хуже раскаленного угля.

Ничем не могла лекарка помочь сейчас синеглазому манусу.

Глава 8

Девушка прижала ладонь к губам и разрыдалась так жалобно, что у любого, кто мог услышать ее, перехватило бы горло.

– Не надо, дочка, Эленька, не рви душу. – Женщину, что утешала несчастную, Агнешка не разглядела. Луна, щедро лившая белесый свет на изящную фигурку плачущей девушки, ощупала лучами крыльцо. Но, натолкнувшись на плотную завесу тьмы, тонкий белый луч рассыпался серебристыми каплями на камни отмостки. Оттуда, из темноты, испугавшей хрупкий лунный луч, и утешал горько плачущую красавицу нежный, тихий, но властный голос матери.

– Чем плакать – взяла б да убежала со своим Тадусем. А от отца прикрою, пока хватит да догонит, вы уж обвенчаны будете...

– Нельзя мне, мама, – едва выдохнула Элька и снова залилась слезами. От рыданий глаза и нос у нее покраснели и опухли, и она уже не казалась Агнешке красавицей. Из темноты невидимая рука протянула белый платок. Зареванная тотчас уткнулась в него лицом, вытерла слезы.

– Никак нельзя, – продолжала она. – Кабы только моя жизнь решалась, убежала б. На край света за ним пешком пошла. Не поглядела бы, что второй сын, не наследник. Хоть в рубище, хоть босая...

Уж в это Агнешка никак бы не поверила, глядя на холеные ручки страдалицы, на парчовые туфельки и белые, как лилейные лепестки, ножки. Лекарка усмехнулась и вовсе разочаровалась в богатой дурочке. У нее и платье стащить не грех, коли для благого дела...

Агнешка двинулась за кустами шиповника в ту сторону, где виднелось в темноте открытое окно.

– Ты же знаешь, маменька, – между тем продолжала Эльжбета, то и дело прикладывая платок к припухшим от слез глазам, – что на братца надежды никакой. С тех пор как беда приключилась, он сам не свой. Все потерял. Не то что с посохом, с камнем не совладает. Кольцо носит, а сам не сильнее деревенского колдуна. Ведь стань он князем, что с нами будет? Тому же Зютеку в руки достанемся. Или Милошу... Выйду за Черного князя, нам всем защита будет. А рожу наследника, так он две земли объединит, ведь высший маг – не деревенский колдун и не захудалый палочник. Тут уж никто не посмеет сунуться...

– Да куда уж, – сердито отозвался из темноты голос.

– Вот и отец говорит... – продолжила было Элька, но осеклась, оглянувшись через плечо на мать. – Говорит, сама радужная топь его земли обходит...

– И я б обошла, – донеслось из темноты. – Но с тобой не расстанусь. Пусть мою кровь пьет, душегубец, а тебя ему не дам. Как решила – так и делай. Не плачь. Черный князь немолод, глядишь, не заживется... А твой Тадек, коли любит так, как ты рассказываешь, пару лет подождет, не иссохнет.

Эльжбета вздрогнула, сжала в руках платочек, но матери перечить не стала. Только встала и принялась ходить у крыльца, теребя в пальцах мятый кусок шелка.

– Боюсь я, мама, – прошептала она.

Агнешка не стала слушать этих сетований, кошкой вскочила на подоконник, вспрыгнула в темноту комнаты. Еще днем она заметила в углу сундук для белья и теперь, обогнув по памяти стол, откинула крышку и наугад вытащила из ларя что-то тяжелое, рытого бархата. Отбросила в сторону. Потянула тонкое, погладила пальцами дорогое шитье – узнают шитье. И это отбросила. Наконец, найдя то, что нужно, свернула, зажала под мышкой, встала босыми ногами на подоконник.

Голоса приблизились, остановились рядом, за углом.

Сбивчивый, плаксивый и властный, тихий.

Перепуганная Агнешка спрыгнула на траву, да так неловко, что звякнули спрятанные в юбке глиняные бутылочки. Побежала, уже не скрываясь, слыша за спиной сдавленный писк Эльжбеты, брань и угрозы, но оборачиваться не стала. Понеслась с утроенной силой, прижимая к груди добычу.

– Черного князя, говоришь, невеста, – прошептала она, задышав на бегу.

Глава 9

– Она не должна была уйти! – властный голос эхом прокатился по темным комнатам. – Мы же даже не уверены, что она знает, а главное, на что способна...

Слуги спали или благоразумно делали вид, что спали, потому как встретить запыханных и усталых ночных гостей вышел лишь их господин. Несмотря на поздний час, Черный князь еще не ложился – ждал вестей. Говорили они, не таясь. Еще за полдень не перевалило, когда Казимеж Бяломястовский со своими слугами отбыл в Бялое, заверив будущего «зятка», что охотничий дом в полном его распоряжении. Дела-то княжеские не ждут.

Верно поступил Казимеж. Нельзя государство надолго без пригляда оставить. И Владислав не оставил бы Черны. Вот и приходилось с женитьбой этой проклятушкой да из-за ведьмы, всем радугам ее в пасть, метаться ему из конца в конец. Да уж недолго осталось. Коли Элька согласна – в седмицу все сладится. Будет у Черны молодая княгиня. Пока, видно, придется остаться в Бялом. Хотя что за даль высшему магу три дня пути. Можно бы и долететь, да только мужичье здешнее к чему пугать – им еще его, Влада, князем потом называть. Петелька крепкая у него есть на старого Гжеся, которого он до времени вместо себя в Черне оставил. И отсюда через мысли его в любой миг посмотреть можно, что в Чернской земле делается. А вот с ведьмой, видно, придется еще намаяться.

– Деревенская девчонка обвела вокруг пальца людей, которых я почитаю своими руками и глазами? Провела тебя, Игор?! – Владислав не повысил голоса. – Хотя ты знаешь, как она нужна нам...

Единственная свеча в руке князя давала мало света, и тот, кого звали Игором, был неразличим в темноте. В ответ на укоризненные речи хозяина он лишь шумно вздохнул, признавая свою вину, да опустил капюшон плаща на широкие плечи.

Невысокий, толстый его товарищ пустился было полусшепотом в путанные объяснения, но князь прервал его взмахом руки:

– Довольно, Коньо.

Хозяин быстро, не оборачиваясь, пошел в свои покои. За ним семенил, отдуваясь, Конрад. Толстяк то и дело наткался на углы, сундуки, скамьи, ойкая и вполголоса поминая радугу и всех ее нежитей. Следом большой черной птицей бесшумно следовал невидимый в темноте Игор.

Не покупившись, Казимеж выделил гостям лучшие покои. Слабый свет единственной свечи выхватывал из темноты роспись на стенах: тонконогих породистых скакунов с выгнутыми, как бровь красавицы, шеями, поднявших посохи да книги охотников и гордость Казимежа – своры широколобых гончих.

Черный Влад усмехнулся, бросив быстрый взгляд на одну из стен, где молодой красавец князь, в те поры, видно, еще не женатый на ведьме Агате, скакал, не разбирая дороги, преследуя лису. Неизвестный живописец, расстаравшись, изобразил и лихо подкрученный желтый ус, и знакомый, не лисий – человеческий страх в глазах обреченной добычи, и перстень с крупным зеленым камнем, от которого протянулись к рыжей лиске связывающего заклинания.

Жаль, погнавшись за торжественной красотой, остановился художник на полуволосях от правды – запечатлел молодого князя в пылу погони. Нет, не это называл Владислав охотой – то лишь забава, похвальба колдовской силой и удалью.

Саму ж охоту князя исстари доверяли егерям – ускачет княжья свита на красивых лошадах, отстанет дедок-егерь, подойдет к спеленутой магией лисичке и, не глядя в полные страдания глаза, ударит добычу короткой дубинкой по голове, чтоб не портить князю трофейной рыжей шкурки. Забыл живописец старичка с дубинкой. Залюбовался статным молодым князьком.

Красиво было выписано, не за страх – за совесть. А может, и за страх. Уж больно часто видел Владислав этот затравленный взгляд. Глазами загнанной лисицы смотрел на него вчера будущий тестюшка.

– Не твоя охота нынче, старик, моя, – полусшепотом произнес князь, поднеся свечу к росписи на стене, – и не помогут побрякушки-камешки. Вспомнишь ты и должок вернешь... Сторицей...

Владислав не договорил, сам себя оборвал на полуслове, словно темная, кипевшая внутри то ли злоба, то ли застарелая обида сдавила грудь, лишая воздуха. Он прошел в полутемные покои, широко распахнув дверь. Сняв с шеи ключ, отпер большой сундук и вынул оттуда тщательно свернутые карты. Расстелил на столе.

– Здесь, здесь и здесь за последние две седмицы. Последнее окно там, в Вечорках, – резко бросил он, гневно ударив ладонью по столу, – и снова ведьма сбежала, оставив нас дураками.

– Как сквозь землю ушла, – виновато пролепетал толстяк Конрад.

– Она слишком умна для простой сельской лекарки, – глухим рокочущим голосом отозвался Игор, предпочитавший оставаться в дверях, в полутьме. – Она знает свою силу...

– Да только мы толком ее не знаем! – Рассвирепев, Черный князь повысил голос, и в подсвечнике на краю стола разом вспыхнули шесть свечей. – И однажды она откроет радужную топь у нас под самым носом. Ведь ты же не хочешь потерять свою магию, Игор? Превратиться в месиво раздробленных костей?.. Нужно найти девчонку, потому что она – ключ ко всему. Она нужна мне... Очень нужна... Как бы она ни была умна и сильна, найдутся те, кто умнее и сильнее. И ты знаешь, что и самый сильный колдун против сотни хорошо вооруженных наемников – слабее младенца. За то, что мертвяк всадит тебе вилы в бок, отповеди не будет. А теперь представь, как наша девчонка попадет в руки... того же Милоша. Не будет в Черне мага, который не позавидует мертвякам, когда топи начнут лопаться... Поэтому бросайте все, не ешьте, не пейте, не спите – а достаньте мне вечоркинскую девку, пока она большой беды не наделала. А уж я найду, как с ее силой справиться...

Владислав провел широкой ладонью по коротко остриженной голове. Гнев исчез из ледяных глаз, погас, словно костер под резким дыханием метели.

– Все собрали? – спросил он уже спокойнее.

Конрад, не хуже доброго пса чувявший перемену в настроении хозяина, расположился за столом и принялся доставать из своей выдавшей виды сумы склянки, доверху заполненные землей, каменной пылью, речным песком.

– Образца не привезли? – спросил князь, отчего-то глянув не на суетившегося Коньо, а в двери, на Игора.

Толстяк отрицательно покачал головой:

– Схоронили уж... Копать не стали – деревня. Не любят деревенские, когда у матушки-Землицы усопшего отнимают. Да только...

На темном лице Игора появилась нехорошая усмешка, сверкнули ядовитой зеленью большие внимательные глаза.

– Гулял я возле погоста...

Он, по-разбойничьи ухмыляясь, достал откуда-то из складок своего бесформенного плаща склянку, до половины наполненную бурой жижей. Влад довольно улыбнулся, принимая подарок.

Глава 10

Не ждал, право, даже не надеялся на такую удачу. Неужто Судьба вспомнила о нем? Землица-заступница обратила свой лик к нему, а не к кому-то другому. Всю жизнь шел где-то в середине: не пан и не охвосток. Повезло братцу Лешеку родиться вперед, обещана брату во владение Дальняя Гать. А его отправил отец на чужой двор. Повезло Якубу Бяломястовскому родиться наследником Бялого, а его, Тадеуша, при наследнике оставили. А вот как оно обернулось. Якуба радужная топь приломала, а последышу Тадеку, второму сыну, рука Элькина обещана.

Может, увидел в нем князь Казимеж такого же, как он сам. Говорят, и сам бяломястовский господин сперва не был Землицей обласкан. Тоже второй сын, к чужому двору отправленный, в Черну. А только повезло ему, и не раз. Первый, когда вернулся он домой в Бялое за какой-то день или два до кровавого мятежа, когда Влад Чернский силу и жестокость свою показал, всех бояр вырезал, да не мечом или ножом – мыслью одной. А вот братцу его стар-

шему не повезло – сунулся в Черну по глупости да от жадности, оказался на пути кровавого Влада. Так и стал Казимеж бяломястовским князем.

Не желал такой судьбы Тадек брату Лешеку. Не разведи их в стороны, жили бы и по сей день душа в душу. Не надо было Таду Дальнегатчины. Единственное, чего желал он в этой жизни, – бяломястовна Эльжбета.

И не зря просил он Землю, не зря целовал черный земляной алтарь в храме на Солнцеворот. Обещался ему Казимеж отдать Эльжбету, как выйдет восемнадцать. И осталось-то всего ничего.

Так и прыгало сердце в груди, стучала в висках закипающая во всем теле радость.

– Якуб, здравствуй многие годы! – Тадеуш заметил неспешно минующего двор княжича. Тот шел, склонив голову – не понять, замечтавшись или задумавшись.

– И тебе долгих лет, – отозвался Якуб. – Тадек, ты Илария не видел?

Тадеуш покачал головой.

– Верно, у девки какой-нибудь. Будто ты Илария не знаешь, – насмешливо отозвался он, не замечая взволнованного взгляда из-под белого платка.

– Нет, девки девками, а уговор у нас был. Обсудить я с ним хотел одно дело. И он уж на три четверти часа опаздывает к назначенному сроку. Не бывало раньше такого... – В голосе Якуба сквозила нешуточная тревога. – Не случилось ли чего?

Тадеуш, переполненный своей радостью, никак не мог взять в толк, чего так переполошился Якуб. Иларий – манус сильный и боец лучший. Что с ним приключиться может. Разве что...

– А не у Каськи ли он? – поделился Тадеуш мыслями с княжичем. – Говорят, зачистил Иларий на охотничий двор, тот, что недалеко от Вечорок. Может, Юрке на глаза попался? Только... если Юрек с Иларием один на один сойдутся, исход известен. Навалиет манус рогоносцу крепко. Что стоит палочник против мануса, да еще такого, как наш Илажка? Пока Юрек силу раскрутит, пока в посох поведет, Иларий уж ему с руки в глаза три заклятья сбросит.

Якуб кивал, слушая Тада, видно, и сам пытался утешиться такими мыслями.

– Так-то оно так, – проговорил он, – но Юрек – не чета другим обманутым мужьям. Кое-чего ты о нем, Тадек, не знаешь. Юрек отцу для таких дел надобен, о которых сказать нельзя. И злости в нем, как в самом Черном Владе. Потому отец и держит его со товарищи, сколько можно, на охотничьем дворе. Только угораздило Юрека взять в жены не простенькую девчонку, что в рот бы ему смотрела да жила как за каменной стеной. Выбрал Каську. Катаржина за мужней спиной сидеть не станет. Такую красоту в тереме квасить. А Иларий возьми да подбери, что плохо лежало. Юрек жену удержать не может, вот и подбивает мужиков Илария проучить. Поодиночке они ему не противники. Не убили б скопом-то.

– Не посмеют, – отозвался Тадеуш. – У отца твоего на дворе птица без его дозволения не свистнет. А уж Юрка-палочник на цыпочках ходит.

– И то верно, – немного успокоился Якуб, оглядел одежду Тада, бросил взгляд на суму с книгой. – А ты, Тадусь, никак собрался куда?

– Домой, – отозвался Тадеуш, предвкушая, как не расскажет, так намекнет будущему братцу на скорую радость. – Вести добрые отцу повезу. Через месяц, как восемнадцать выйдет, вернусь... Глядишь, и удивлю тебя.

Тадек улыбнулся, но Якуб будто бы не заметил этой многозначительной улыбки. Словно бы отгородился от чужой радости незримой стеной, отвел взгляд. Тадек заговорил было снова, но Якуб встрепенулся, махнул кому-то у ворот и поспешно простился.

– Доброй дороги тебе, Тадусь, – бросил он почти на бегу. – Про Илария узнать посылал. Коли подождешь немного, вернусь и провожу тебя.

– Не надо, – бросил ему вслед Тадеуш, – невелика птица, чтобы провожать, – и добавил про себя: «Пока невелика».

Якубу навстречу выбежала девчонка. Из Элькиных. Зашептала что-то ему на ухо. И Тадек заметил, как побелел и затрясся подбородок княжича. Как прижал Якуб руку к белому платку, закрывая глаза. Девчонка так и осталась стоять перед ним, не зная, что сказать или сделать.

Глава 11

От одного взгляда на нее сердце забилося скоро, тревожно. Засела под ним тупая игла.

Незнакомка шла неторопливо и степенно, будто прогуливаясь, высоко подняв голову в цветном платке, причудливо обернутом вокруг головы. Пара золотистых прядей, отливавших на солнце рыжиной, спускалась по загорелой спине в глубокий вырез платья. Эльжбета видела такую ткань – матушка в прошлом месяце купила отрез у гатчинских купцов. Дорого взяли купчики, да и стоило того, подумалось Эльжете. Простой крестьянский крой платья в сочетании с драгоценной парчой словно бы прибавлял незнакомке, на первый взгляд почти девочке, роста и стати. В какой-то миг зависть захлестнула Элю, уж слишком гордо да заносчиво держалась незнакомка, княгиней смотрела, павой плыла. А Элька, хоть и княжья дочь, и подбородок держала ниже, и смотрела не так, как надобно.

И, словно прочитав стыдные Эльжбетины мысли, незнакомка перевела на нее внимательный цепкий взгляд и, не меняя неторопливой царственной походки, направилась в сторону княжны.

Эльжбета собралась было окликнуть замешкавшихся служанок, не то разглядывавших ленты на лотке сухой старухи-колдуньи, сулившей недорого приворожить любимого, не то заслушавшихся седобородого словника-ясновидца, заманивавшего публику в свой выцветший шатер. Но незнакомка одним быстрым движением вцепилась в руку княжны и зашептала:

– У вас тяжело на душе, госпожа. Черный человек тому причиной. Доверься словнице Ханне, и не бывать постылому возле тебя. Не бывать свадьбе...

Хоть последние слова и произнесла незнакомка шепотом, и этот тихий вкрадчивый шепот тотчас утонул в бушующем море уличных голосов, но Эльжбета вздрогнула, попыталась высвободить руку. Незнакомка не держала – тотчас выпустила, отвернулась, словно разглядывая что-то на другой стороне улицы, и пошла прочь. Поплыла белой лебедью, и затерялся в толпе цветной платок.

– Беги, Ядзя, догони, – крикнула Элька служанке, – проводи на двор, упроси...

Девка бросилась в толпу, другая подхватила под руку побледневшую госпожу.

Бедная Ядзя метнулась туда-сюда, заглядывая поверх голов. Да разве высмотришь птицу в стае. Ядвига приготовила голову и шею под хозяйские упреки, только вдруг увидела, что вынырнули совсем рядом цветной плат и драгоценный сарафан, мелькнули рыжие прядки.

Ядзя опрометью бросилась вперед и мешком завалилась в ножки к молоденькой царственной незнакомке. С малых лет Ядвига была в услужении на княжеском дворе и знала, как разговаривать с господами.

– Матушка! – возопила она, не щадя горла. – Помилуй...

– Землица помилует – придет час, целиком скроет, – усмехнулась незнакомая барыня.

Распластавшаяся в пыли Ядзя уже приготовилась причитать и упрашивать: уж больно величава была барынька, такой сколько ни поклонись – все не низко. Но с удивлением почувствовала, как кто-то крепко прихватил ее за шиворот и поставил на ноги.

– Видно, госпожа твоя в служанки берет, кто громче воет, – строго бросила незнакомка, отряхнув невидимые пылинки с рукава. – А я люблю, кто ногами прытче шевелит. К госпоже веди и лицо утри...

Барыня подняла было руку, и Ядзя тотчас зажмурилась и заслонила рукавом, ожидая господской плюхи. Но ничего не дождалась. А опустив рукав, замерла в недоумении. Незна-

комка изволила смеяться, да так весело, что уголки губ сами поползли в стороны. «Умна, – подумала Ядвига, – такую холопыими поклонами не проведешь». На мгновение ее взгляд встретился с пронзительным жестоким взглядом незнакомки.

Ядзя спохватилась, снова горестно скривила лицо, всхлипнула, утирая рукавом нос и глядя на свои босые, перепачканные пылью ноги.

– Так поведешь ли ты, лентяйка? – грозно проговорила барыня. Только этого сурового оклика Ядзя не испугалась, а улыбнулась широко – из скрытой длинным рукавом барской руки выпала ей под ноги монетка.

– Поведу, матушка, поведу, красавица, – затараторила Ядзя, радуясь, что все обернулось к счастью и прибыли. Не важно, насколько умна и опасна показалась незнакомка. Повезет, так уйдет скоро со двора, и дурного не выйдет. – Госпожа уж верно заждались. Упроси, говорит, Ядзюня, барыню-красавицу на двор прийти, в ноженьки кланяйся...

Незнакомка, посмеиваясь, покачала цветастым платком:

– Лучше б ты, Ядзюня, и дальше выла, а то уж больно скор у тебя язык, а Землица-матушка все больше молчаливых жалуется...

Эльжбета ждала у черного крыльца. Отчего-то она уверилась, что, Расскажи о незнакомой словнице матушке, Агата выберет ее, а гостью со двора сгонит. Вот и решилась Элька встретить Ханну у задней двери и сразу укрыть у себя – девки хоть и болтливы, но лишнего не скажут, потому как веры им у матушки да батюшки нет никакой. Что и сболтнут – худа не будет.

Сама себе удивляясь, Эльжбета прошлась по двору, присела на скамейку, задумалась. Кажется, еще с полчаса назад готова она была стать Черной княгиней – для батюшки, послушавшись разумных его речей. И матушка не отговорила. А тут – шепнула словцо словница Ханна, и тотчас показалось Эле, что мало ей воздуха. Грудь теснило от ощущения неминуемой беды. И смерть показалась краше свадьбы с Владиславом Радомировичем, Чернским князем.

Видно, не зря ела свой хлеб словница Ханна, как книгу прочла всю душу княжны. И не посмотришь, что магичка на взгляд – Эльжбетины ровесница. Видно, и силой колдовской, и мудростью Землица не обидела.

– Да как же это? – изумилась Элька, едва Ханна, блестя серыми глазами, поведала, о какой помощи идет речь. – Да разве ж такое можно... Зельем наговорным его поить. Ведь отповедью сердце остановит...

Княжна прижала руку к побледневшим губам, но Ханна, видя, что уж рыбка захватила наживку, ловко подсекла добычу, ласково взяла княжну за другую, повисшую плетью руку, вложила в ладонь залепленный воском глиняный кувшинчик.

– Так то не яд, дражайшая княжна, – проворковала она, – отсрочка. Беды от нее не выйдет. Да и отповеди не страшись: нет здесь ни капли магии, одни травки и корешки. Влей пару капель жениху в вино, как придет он к тебе в день перед свадьбой увидеться – и спать ложись. На два-три денечка свадьба отложится... А тут уж и магии черед... Отвернется от тебя Черный князь, батюшке-Казимежу подарки да подношения понесет, лишь бы свадьбе не бывать. Колдовать сама буду. Дело верное. Чай, словница, не убогая палочница-ворожея. Им сутки плясать и искры сыпать, а мне слово вымолвить...

Ханна улыбнулась, прищурившись. Зубки у словницы были ровные, острые. Лисьи зубки. «Таковыми зубками горло вырвет», – отчего-то подумалось Эльжбете, и она, перепугавшись, отогнала нечаянную мысль. Снова принялась расспрашивать – не будет ли от магии отповеди, не настигнет ли струсившую невесту ответ матушки-Землицы на злодеяние.

– Если у Землицы силу брать, так настигнет, – шаловливо склонив голову набок, проговорила Ханна. – А если из другого колодца водички черпнуть...

Слышала Элька в детстве страшные сказки, что, дескать, есть такие маги-отступники, что радуги да ветра не боятся. Радужных нежитей в услужение берут да из небесной ткани силу черпают. Но не верила. Слыханное ли дело: ветру душу свою уступить, чтоб ее до скончания времен над облаками носило, без покоя, без утешения.

С ужасом посмотрела княжна на маленькую словницу. Уж и не девочкой она показалась – столетней ведьмой, радужной силой в девочку обратившейся.

– Не бойся, княжна, – шепнула Ханна, по-прежнему улыбаясь. – Твоей бессмертной души мне не надо. Отдашь ее Земле, когда время выйдет. Но для того колдовства, что мы затеяли, одного слова мало. Первое тебе, княжьей дочери, обременительно не будет... Коня мне нужно, да только чтоб конь был чернее ночи. Есть, верно, в батюшкиных конюшнях...

Эльжбета коротко кивнула, ожидая, чего еще попросит страшная гостья. Уж о том, чтобы согнать Ханну со двора долой, не могла Элька и помыслить – сама в дом нечисть пригласила, так уж не гневи, делай, что сказано. А то налетят радужные демоны, откроет око топь – да примется ломать кости, пить колдовскую силу... Братцу, почитай, повезло: не убила, изуродовала да силу забрала. А ей так-то повезет ли?..

– Что ж еще? – заметив, что гостья молчит, словно прислушивается, наконец нетерпеливо спросила Эля.

– Странное ветер говорит. – Ханна огляделась, понизила голос. – Дай, говорит, черного мага, который колдовать не может. Чтоб в глазах у него небо, а в руках – кровь да огонь...

Ханна недоуменно пожала плечами, глядя не на перепуганную Эльжбету, а в сторону, где под стеной дома крутил песчаные воронки залетный ветерок. Видно, ветер ничего не ответил, потому как брови словницы грозно сошлись, а улыбка совсем исчезла из серых глаз.

– Коли знаешь такого мага – твое счастье, княжна. А без него и затевать нечего – не даст ветер силы, чтоб Черного князя от тебя отворотить.

– Знаю, – тихо прошептала Элька. – Только обещай мне, что с ним худого ничего не сделаешь.

– Ни душе, ни телу, – повеселев, ответила словница, – и не вспомнит твой маг, для чего дом родной покидал. Уж мое слово верное...

– И так не вспомнит, – подумала Эля, – беспамятный лежит. Выживет ли...

Эльжбета уж приготовила для гостьи пару монет, да только Ханна торопливо махнула руками, отказываясь. Оскорбилась, глянула надменно, так что Элька отступила, опустила виновато взгляд. Есть силы, при которых и княжьей дочери не зазорно глазки долу держать.

А словница тем временем повернулась и пошла прочь. Только, не пройдя пары шагов, бросила через плечо:

– Вышли людей с конем и магом к северным воротам. Коли все верно исполнишь – пришло тебе платок с моей головы. Платок сожги, а кувшинчик спрячь, девки у тебя резвы не в меру.

Эльжбета спрятала кувшинчик в рукав и торопливо пошла в дом. Сама беду накликала – сама и отведи. А до вечера день недолог. Коня из стойла свести полдела, а вот выкрасть из-под Юрекова носа мануса Илария – уж не молоденькой княжне с зеленым перстеньком. Тут подмога нужна.

Глава 12

– Матушка-барыня, – прошептал тонкий испуганный голос. – Это я, Ядзя. Тьфу ты, ветров сын...

Вражко, не желая повиноваться дворовой девке, фыркал и нервно переступал ногами.

– Помолчи, Ядзенка, – шикнул на служанку другой голос, хриплый, старческий. – Язык как помело, да толку мало. Коника держи, а то беду накличешь...

Эко воинство у княжны. Смех, да и только. Болтушка-Ядзя едва сдерживала танцевавшего на месте красавца Вражко. Немного позади, поближе к дремлющим у ворот стражникам, сидела на возу с сеном приземистая бабка в нарядном платке, видно, княженкина нянька. Через плечо ее была переброшена расшитая шелком торба, из которой на ладонь выглядывала старинная, обернутая бархатом книга. Видно, берегла Эльжбетина наставница свою книжицу – старой выучки ведьма, всю жизнь, наверное, этой книжкой и управлялась. Нянька раскраснелась в подбитой мехом душегрейке, всерьез собралась старуха коротать летнюю ночь в лесу. Не страшилась, видно, ни лихих людей, ни диких зверей, ни радужной топи. Небось всего навидалась книжница на своем веку.

Строго смотрела на Ядвигу, от холода и страха выбивавшую дробь зубами так, что, казалось, сыплот на доску сухой горох. Лицо старухи показалось Агнешке смутно знакомым, но память подвела, не пожелала подсказать, где встречались старая нянька княжны и укрытая темным мужским плащом «матушка-барыня».

Пожалев продрогшую служанку, Агнешка откинула капюшон, вышла из тени в лунный свет. Ядзя шарахнулась в сторону, заржал Вражко, старуха охнула, ухватила за книгу.

– Что, девка, не признала матушку-барыню? – усмехнулась Агнешка, приближаясь. – И тебе почтение мое, нянюшка.

Старуха только фыркнула, пристально глянула в лицо девушке, словно тоже силилась припомнить, не виделись ли когда, но, не удостоив ответом, принялась шумно слезать с воза.

– Все ли тут? – переспросила Агнешка, косясь на стражников. Один уже завозился во сне – видно, отпускало сонное зелье. Немного подмешала Агнешка в воду: усыпить на час-полтора, чтоб разговору не мешали.

Нянька угрюмо разворошила сено на возу, откинула мешковину...

Агнешка едва не вскрикнула – сама не разобрала, от радости или от жалости. Он это был, княжий манус Иларий. Бледный. В перепачканной одежде. Ввалились щеки, залегли глубокие складки по углам рта. Боль и голод обвели серым глазницы. От тряпок, которыми были замотаны ладони мануса, шел тошнотворный кислый запах. Первым порывом Агнешки было размотать гадкие тряпки. Она уж схватилась было за юбку, нащупывая мази да мешочки с травами, но осеклась, заметив пристальный, недоверчивый взгляд старой книжницы, заставила себя опустить руки и отойти от повозки.

– Подойдет, – холодно ответила она на грозный взор няньки. – Вот. Передай госпоже, что Ханна все сделает.

Мнимая словница Ханна вытащила из рукава цветной платок, протянула старухе, но та не шевельнула рукой, отвернулась и пошла прочь, припадая на левую ногу. Мгновение недолго хлопавшая глазами Ядзя выхватила платок и, поклонившись едва не до земли, понеслась следом.

Агнешка привязала Вражко к подводе, взобралась на сено и тронула лошадку шагом, а потом и мелкой рысью, слушая, как позади вредная нянька распекает сонных стражей.

– Вот уж не думала, что придется к тебе, матушка, воротиться... Да только куда его теперь, полуживого, повезу. С раненым на новом месте не устроишься. А дома – и место глухое, лесное, и какая-никакая изба цела. Авось спасенной жизнью моя вина перед тобой, матушка, отмолятся...

А дорога расстилалась перед ней широкой лентой, серебряной в свете луны, и вела, и вела...

Глава 13

Сплошь выстеленное жемчужными облаками небо, до того висевшее на остриях елей, неожиданно сразу за поворотом ухнуло в реку. Растворилось синее в синем. Чайки, осколками

облаков рассыпавшиеся по мелководью, всполошились, понеслись не то по воде, не то по небу, запричитали. Отозвались птицы в лесу – кто во что горазд: засвистели, зачирикали.

Усталые лошади бежали медленно, то и дело переходя на шаг. Откуда им было знать, что здесь, за поворотом дороги, где небо сливается с рекой, начинается другая земля – своя, родная, с детства проросшая в душу кривыми сосновыми корнями. Откуда им было знать: тот же светло-желтый песок, выгоревшие до топленого молока стебли травы да запыленные корзинки пижмы. Лошади рысили, понунив головы, даже не скосив черных глаз на пару выбеленных столбов по краям дороги. Третьи сутки мелькали по сторонам березняки да осинники, осинники да сосняки, сосняки да дубравы. Небеленые избы крестьян, источенные дождями да исчерченные молитвами жертвенные камни...

Видно, спешное было дело, раз гнало их – лошадей и седоков – почти без отдыха через три княжества. Да непростое дельце: гнало не прямоезжим путем, а окольным. В стороне оставались городки и большие шумные поселки, сельские ярмарки с крикливыми торговками и быющими по рукам мужичками. Останавливались на ночь не на постоянных дворах, где хозяин – не мертвяк, а дородный, знающий цену себе и своему гостеприимству ведьмак или палочник, – заведя знатного гостя, так и стелется, так и лебезит. И овса в кормушку чужим лошадам сыплет щедро, как сыну шей кладет. Ночевали на деревенских дворах: то ли каша наваристей, то ли девки сговорчивей. А с утра снова в путь.

И казалось лошадам, что пути этому конца не будет. И коли приберет Землица их вместе с непутевым хозяином, то и там, в самой сердцевинке матушки-Земли будет он погонять лошадей, спешить невесть куда сломя голову.

Потому и не торопились лошадки, ступали без спешки, не ведая, что уж вот он, конец пути, за ближней рощицей. Что уж хозяин их почти дома. Мальчик-слуга тоже едва удерживал готовый сорваться с губ радостный крик. Да что там – и хозяин, сам еще мальчик, торопил унылых лошадей.

Почти дома.

И будто не изменилось здесь ничего за четыре года. Подрос на пару локтей веселый красный сосняк – да разве ж по нему, великану, заметишь. Блудный сын подрост не в пример меньше – едва на голову, да только уезжал мальчиком – обратно едет молодец. Таким, что любой сказке богатырь. И в плечах широк, в кости крепок. Такой дубок не всякому ветру поклонится. А ресницы девичьи. И взгляд из-под этих ресниц не мужской тяжелый, каменный. Светлый взгляд, приветливый, доверчивый. С таким взглядом не в дружину наниматься. По свету идти с полным сердцем да с пустой сумой.

Скарб у молодца и правда был невелик, видно, не в привычке добром обростать. Так и лошадке веселей, и лихому человеку соблазна меньше. И плащ на нем был простой, дорожный, без гербов – мол, ни ваших, ни наших, а того, у кого кошелек толще. Лишь одну ценность путник держал при себе, поближе к правой руке, да подальше от чужих глаз – колдовскую книгу. И книга была не из простых – поправит молодец суму, и блеснет на солнце золотом застежка, сверкнут на ней самоцветы. Дорогая была книга – господская.

И тут уж осторожный да внимательный замечал помимо драгоценной книги, что, хоть и прост у путника плащ, да ткань хороша, с умом выбрана, с толком сшита. Хоть неприметен гнедой конек и седельце на нем не новое, да все: и конь, и седло, и всадник в седле – как из единого бруска искусным резчиком выстрогано. И конек – не простая понурая лошадка. Как девица-невеста, с норовом, с гонором, а на край света за миленьким, не жалея тонких ножек да подковок.

Да какая б за таким не пошла. И высок, и волос русый над бровями в кольца завивается. И весь, хоть и в пыли да в конском поту, а словно светом облитый.

И вокруг будто все к нему тянется, узнает, шепчет приветливо: вот и дома, Тадек, дома. Дома.

И все ему здесь уж родное, знакомое. И Руда в среднем течении широка и прекрасна в летней истоме. Разметалась во сне красавица, и выглянуло из зеленого шелка берегов искристое лазурное тело реки. Обманчиво-теплое на вид, изнеженное, в белых капельках чаек.

Рвануть бы с плеч плащ, бросить на руки мальчишке, скинуть все до исподнего – да прямо с желтого песчаного берега в синюю воду. И тут уж припомнит князьему сыну истинный свой нрав гордая Руда – сдавит в ледяных объятьях, совет руки-ноги тугими струями, спеленает как беспокойного младенца. Еле вырвешься, отплевываясь и стуча зубами, выберешься на неверных ногах на берег. А Руда смеется за спиной, играет искрами:

– Здравствуй, Тадек. Здравствуй, мой хороший.

– После, Руда, – улыбается молодец, торопит лошадку. – Успеем еще обняться... Сперва батюшка да братец, а уж тебе, ветреной молодой, и обождать не грех.

Улыбается речка, укрывает озорной синий взор вышитым рукавом березняка. Струится под копытами дорога. Дальше, дальше. К дому.

И Тадеуш смотрит вокруг жадным взглядом, узнает, припоминает. И сердце прыгает от радости.

Роща, в которой дядька Анджезь, батюшкин меньшей братец-книжник, учил их с Лешekom направлять силу, раскручивать ее в книге, учил плести заклинание – сперва словное, а с обложки только посылать в цель, потом – и поворотом рук и книги. Эту расщепленную надвое сосну сгубил братец, отрабатывая удар от корешка. Тадеку он удавался не в пример лучше, зато Лешек на словах любое заклятье плел в одно мгновение, а хорошее заклятье раскрутить можно и по обложке, и на развороте, кто посильней.

Ругался Анджезь. Требовал от наследника Лешека, чтоб книгой заклинал, без слова.

– А как взбунтуются батюшкины дружиннички, захотят тебя силы лишить, вырежут язык да от престола отрешат, потому как что за князь без магии. Посадят братца Тадеуша на престол. Он вон как «Историей княжества» управляется.

Сам князь для сыновей «Историю» повелел писать. Не хотел, чтоб сыновья на молитвенниках да долговых списках колдовали. Наследнику и книга нужна особая – со смыслом, а силу крутить можно и в разделочной доске.

Вот с «Истории» и ударил Лешек в сосну, надвое развалил. Силища у братца – без малого золотник. Не только на книге, на шкатулке колдует. И книги меняет легко.

Сам Тадеуш книгу подбирал, чтоб к душе лежала. А покуда колдовал на «Истории», как батюшка велел. С ней и поехал в воспитанники к князю Казимежу: боевой магии с княжичем Якубом учиться.

Лешека отец от дома не пустил, держал наследника при себе, на княжение натаскивал. А младшего сына не держал: учись, мол, Тадек, да приглядывайся к чужому дому, как князь Казимеж немалые свои земли держит. К дружине приглядишься, к торговле, а пристальней – ко княжне Эльжете. Даром что десятый год пошел, так не вечно ж ей десять будет. Вот и гляди, хорошая ли жена выйдет из бяломаястовны для Лешека. Сила у нее материна, перстечком тебя с твоей книжицей в бараний рог скрутит, да не в силе дело. Гляди, умна ли, степенна, как княжне подobaет...

В десять-то лет...

Не умна была Элька и не степенна...

Глава 14

– Бегаешь по двору с мальчишками? – грозно наступала Агата на няньку. – А ты куда глядишь? Княжне двенадцатый год, а у нее коленки ссажены...

Нянька засопела, нахмурилась, но не удался гордой толстухе покаянный вид, скорее обиженный.

– Так с братцем, княжичем Якубеком, да с молодым Тадеушем к речке изволили убечь. А господин Якуб повелел мне... на двор пойти. – Нянька замялась, подбирая слова, чем, видно, не утруждал себя Казимежев наследник. – А ежели за ними пойду, так они меня в воду бросят.

– Не утонешь. Как гордыня на дно потянет, так ты за глупость хватайся, – отрезала Агата. – А наследничку я сама язык укорочу.

Надвинула на самые брови платок да накинула простенькую кацавейку: за крестьянку-мертвячиху не примут, да и княгини не распознают. Выбрала у огорода хворостину потолще – не коров гонять, сыночка уму-разуму учить. Осмотрела придиричиво прут, бросила – все ж таки князем Кубусю быть после батюшки, а поротый князь и холопов не щадит.

Уродился Якубек в отца – гонору да задору много, ума Землица-матушка полмеры отсыпала, а осторожности и вовсе не дала. Давеча на охоте лошадь понесла, едва головы не лишился, благо Казимеж вовремя подоспел. Отделался наследник Бялого мяста сломанной рукой. Да и то сломал так худо, что Агата восемнадцать заклинаний наложила, покуда срослось.

Бестолков Кубусь, и Элька не умней – даром что баба, а голова отцова: ветер один. Одна надежда – войцеховский Тадек. Умен мальчишка и осторожен по летам – Якубек его не послушает, а Элька за ним пойдет, в рот парню смотрит. Приглядывать надо, как бы не вышло чего между Элькой и дальнегатчинским мальчишкой – второй сын, да и Войцехов удел поменьше Бялого мяста будет. Книжник опять же – не чета золотнице. Хотя хорош мальчишка, честен в неполных четырнадцать лет как младенец, крепок как падуб, а уж в боевой магии даже со своей книжкой Якубека на полголовы превзойдет. Силы в Кубусе больше, да применить ее толком не умеет, перстень носит как золотник, а колдовства на копейку.

Непростые мысли бродили в Агатиной голове. Оттого и шагала она широко, нестепенно. Едва поспевала за своей госпожой полнотелая нянька.

По счастью, народу на улицах было мало. Дорога, что вела за город, к реке, и вовсе была пуста. Стражи у ворот и виду не подали, что узнали хозяйку – как не удивлялись, когда княжич-наследник, переодетый простым барчуком, спешил к реке, а за ним – спокойный молодой господин Тадек, а следом – простоволосая и едва ли не босая княжна в крестьянском платье. Давно не удивлялись стражи у северных ворот слишком вольным порядкам в хозяйском доме – им ли о князе да княгине судить. Знать, в княжеском доме розга не в чести.

Вот и не глядели стражи на раскрасневшуюся, сердитую хозяйку и едва поспевающую за ней няньку. Смотрели на дорогу, пустынную в этот час.

«Землицын день», – подумалось Агате. Знать, молятся мужички, а может, спят, радуясь праздничному дню. Мало кто сейчас молится. Когда была она девочкой, отец на Землицын день со всей семьей в храм шел. И со слуг требовал. А у Казика порядка нет, одна охота. Ходят нынче в Бялом в храм на праздник Земли одни старики. Остальные сменили кроткую молитву на полную чарку. Вот и нет никого.

Ноги увязали в горячей пыли. Воздух дрожал над пустынной дорогой. Только под раскидистым кленом сидела маленькая странница, девочка, по виду – Элькина одноклассница. Запыленная с головы до ног, с тощей котомкой через плечо, в полинялой косынке да широкой знахарской юбке, в подоле которой лежало полдюжины мелких зеленых яблок. Еще одно девчонка целиком засунула в рот, отчего ее и без того не особенно красивое перепачканное пылью личико перекосило на сторону. Из угла рта потекла струйка слюны, которую мертвячка вытерла рукавом, еще больше размазывая грязь по подбородку.

Завидев богатую барыню с зеленым перстнем и служанку-книжницу, девчонка вскочила, так что яблоки покатались на дорогу, и хотела было кинуться наутек, но в последний миг передумала и, словно сама себе удивляясь, бросилась под ноги Агате.

– Барыня-красавица, – затараторила она, поминутно кланяясь и утыкаясь лицом в Агатины башмаки, – возьми на службу. Я хорошо лечу, матушка учила. Травы все знаю, как соби-

рать, как сушить, как отвары, мази готовить. На всякие надобности и недуги... Вспоможение при родах... А коли не нужно, так я...

То ли от навернувшихся на глаза слез, то ли от непрожеванного яблока во рту говорила девчонка – ни слова не разберешь. Только и поняла Агата, что просит нищенка-странница нанять ее в лекарки, а коли лекарь уж есть – хоть в работницы, хоть в прачки. Стирает она тоже хорошо, но в лекарки было б лучше.

Девчонка все выла, хватая госпожу за ноги, и нянька уж склонилась, ухватила нищенку за шиворот да за рукав – от княгини отогнать. Только словно екнуло сердце у Агаты. Элькина ровесница, и уж в работницы нанимается.

– Семья есть? – спросила Агата грозно, чтоб нянька не заметила, как задела ее за живое маленькая нищенка.

– Одна я, барыня, – полушепотом отозвалась девочка, подняла глаза. – Были мы вдвоем с матушкой. Матушку Землица прибрала...

– А лет тебе сколько?

– Тринадцать будет. – В серых глазах затеплилась надежда, и Агата поняла, что уж дело решено – возьмет она девчонку, хоть знахаркой при княжеском доме, а коли знахарка из нее плоха – так в дворовые. Все ж таки будет сыта да одета. А еще лучше, подумалось вдруг Агате, приставить девчонку к Эльке, служанкой. Чтоб послушала дочка, что горе и нужда с человеком делают, как людей по свету гонят, и поняла, как хорошо за папенькой да маменькой жить, в теплом тереме, в сытости и довольстве.

Глядишь, сдружится Элька с маленькой служанкой, так послетит с няньки спесь. А девчонка, по глазам видно, как собака: погладь да покорми, и за тебя любому горло вырвет...

«Покормлю, – усмехнулась сама себе Агата, – и поглажу. Такая за добро стократно отдаст».

– Вот что, девочка, – строго сказала она нищенке, собственной ручкой поднимая с земли. – Открою тебе тайну, которую не всякая княжна знает. Коли хочешь увидеть, как перед тобою черви егоят, подними голову. Хуже нет – просить да в пыли валяться. Беру тебя на службу, коли тотчас, на этом месте, дашь мне клятву, что больше ни перед кем – будь то хоть барин, хоть князь – червем в пыли извиваться не станешь. Червей я горстью с земли черпаю, а хороший слуга дороже правой руки. Коли клянешься, беру тебя в услужение к моей дочери...

Нянька задохнулась от негодования, но справилась с собой, отвернулась, отступила на шаг от нищенки.

– Клянусь, – торопливо прошептала девочка, глядя на княгиню с радостным обожанием. – Ни перед кем головы не опущу, ежели вы так велите.

И принялась ловить ручку – поцеловать, отблагодарить новую хозяйку.

– Да яблок впредь в садах не воруй, – со смехом указала Агата на рассыпанный по траве завтрак маленькой странницы. – Не к лицу княжеской служанке по заборам да по чужим садам лазить.

– Не буду, – счастливо улыбаясь, пролепетала девочка, – за вашу доброту... век... Да разве ж я воровка...

– А разве ж нет? – вклинилась в разговор нянька. Видно, от обиды на хозяйку откуда ни возьмись явились и прыть, и ловкость. Толстуха схватила девочку за руку, дернула ворот рубашки, и Агата заметила на грязной шее золотой медальон. Без камня – видно, нужда камень вынула, – но все-таки слишком ценный для маленькой нищенки.

Ярость застлала глаза Агате. Обмануть хотела, воровка, попрошайка. Видно, уж не первой богатой барыньке она так честно в глаза глядит. Обокрала прежнюю хозяйку, вышли денежки, вот и пошла по миру простофилю искать.

– Откуда? – сдавленным от нахлынувшей злости голосом спросила Агата.

– Матушкин, – пискнула девчонка, вырываясь из цепких пальцев няньки, – золотница матушка была.

– Матушкин, – передразнила девчонку нянька, цепко держа за ворот и подол юбки свою вырывающуюся и захлебывающуюся слезами жертву. – Откуда ж у золотницы дочка-мертвячка. Вот как отрубят тебе руку на площади...

Что было дальше, Агата помнила, словно во сне, и потому едва ли могла сказать, как так случилось, что, когда она протянула руку, чтобы сорвать медальон с шеи маленькой воровки, девчонка вывернулась и вцепилась тонкими загорелыми пальцами в запястье благодетельницы. И в тот же миг колдовское кольцо обожгло палец. И от него по всему телу пошла гулять лихая выюга, бросился в голову и руки нестерпимый холод. Сила расходилась так, что помимо воли княгини посыпались с кольца белые искры. Нянька отскочила, выпустив воровку, и девчонка зайцем понеслась в сторону леса, падая и подбирая широкую юбку.

Агата, чувствуя, что не совладать ей с неожиданной бедой, закричала, выдыхая в крике вспыхнувший страх, отшвырнула с дороги опешившую няньку. Подбежала к одинокому дереву, под которым недавно жевала яблоки проклятая нищенка, обхватила руками ствол и что есть силы вытолкнула из самого нутра яростный колдовской смерч. Посыпались дождем листья, дерево вспыхнуло скоро, как пучок соломы. Агата упала навзничь, раскинув руки. А невидимая выюга, сорвавшаяся с кольца, плясала вокруг нее, тешилась. Выгорел клен, словно и не было, зато на месте рассыпавшихся яблок поднялись, раскустились, переплелись кронами яблони. Отцвели. Набухли словно капли крови в плотном смешении ветвей яблоки. Одно, тяжелое, переполненное чудесным соком, сорвалось с ветки и упало, раскололось о затаившийся в траве камень. Сок брызнул Агате в висок – и в тот же миг улеглась страшная выюга. Обессиленная, княгиня поднялась с земли, цепляясь за яблоневые стволы, на неверных ногах побрела к стонущей в пыли няньке.

Несчастливая, едва сдерживая злые слезы, пыталась срастить переломленную голень, но – то ли боль мешала ей сосредоточиться, то ли магии книжницы не хватало, но из вывернутой ноги по-прежнему торчали кости.

Агата хотела помочь, но не смогла поднять рук – кольцо тянуло к земле, ладони, словно налитые чугуном, вовсе не слушались. Нянька, заголосив от боли, еще раз с силой бросила белые искры с корешка книги. Рана поддалась, втянулись под кожу, вставая на место, срослись кости, но нога не выпрямилась.

– Ветрова дочь, радугино порожденье! – Плача, нянька погрозила кулаком лесу, где скрылась, затерялась в зелени сероглазая беда. – Не берет, не срастается. Болит...

Агата ощупала нянькину ногу.

Неправа оказалась нянька: срослась нога хорошо, крепко, все было равно – будто и не лезли еще мгновение назад из-под кожи белые осколки костей. Но, словно на память о том, что обидела нянька маленькую воровку, не желала нога слушаться хозяйку, подворачивалась, заставляя прихрамывать, припадать на сторону, при каждом шаге заставляя гордую нянькину голову склоняться перед болью и судьбой.

Агата, сама обессиленная странной колдовской метелью, мучаясь раскаянием, подала няньке руку. Та поднялась, цепляясь за госпожу, попробовала привстать на ногу – да не тут-то было. Вскрикнула, ухватила крепче.

– Потерпи, – прошипела княгиня, отцепляя с рукава нянькины пальцы. – Или не видишь, что нездорова я. Не ровен час обе на дорогу завалимся, хороши магички. Как воротимся, отдохну и поправлю тебе ногу...

Нянька приободрилась, попробовала снова наступить и, хоть и вскрикнула, удержалась, сделала шаг, другой.

– Вот и славно, – проговорила Агата.

Вдалеке на петляющей среди гречишного поля дороге показался воз. Пара мужичков, шумно бранясь, сидели на телеге. Третий нахлестывал лошадку. Черноволосый юноша, года на два-три старше Якубека – не мальчик уж, мужчина, – спал, укрывшись плащом с незнакомыми гербами.

Агата хотела уже повернуть назад: мужички могут узнать в прохожей барыне хозяйку Бялого, колдовать сейчас ей было не под силу, и на охромевшую няньку надежды никакой. Вот и решила – пусть нарежутся дети, дома и потолкуем о княжьем достоинстве, о том, как отца да мать следует почитать.

Она уж повернулась, бросила взгляд на городские ворота. Потом снова на тропку, теряющуюся в зелени леса. И замерла. Сердце ухнуло вниз, в самую серединку. По тропинке, растрепанная, босая, бежала Элька. Дышала тяжело, прерывисто, глаза покрасневшие, припухшие – безумные глаза.

Эльжбета замахала руками, попыталась крикнуть, да, видно, горло перехватило от бега.

«К счастью, – в первый миг подумалось Агате, – не хватало еще, чтоб мужички заметили: за полоумную примут, сраму не оберешься».

Элька упала, споткнувшись, но тотчас поднялась, снова рванулась к матери, даже не отряхнув сарафана. Агата пошла ей навстречу, сперва чинно, степенно, а потом, от страха потеряв походку, все быстрее. А там и побежала.

– Что? – вскрикнула она, глядя в бессмысленные от горя и бега глаза Эльки. – Что?..

Княженка шевелила губами, силилась сказать, но не могла – завалилась на обочину дороги, хрипя сухим от пыли горлом. Только махнула рукой в сторону реки, заплакала.

Не помнила Агата, как добежала до реки, как пробиралась к берегу, разгребала локтями камыш. Не чувствовала изрезанных рук, полных колкого песка сапожек. Черной рукавицей сжимала грудь тревога, сердце грохотало в висках – чуяло беду.

Наконец заметила на берегу Тадека. Мальчик, мокрый до нитки, выпачканный глиной и илом, ползал на коленях у самой кромки травы, то припадая к земле, то распрямляясь, заноса над собой книгу. Руки горе-волшебника тряслись, и книга не поддавалась, пробежавшие по обложке искры роились, переплетались тонкими белыми ленточками, но не желали складываться в заклинание. Другой маг, повзрослей, покрепче, заставил бы повиноваться вздорную книжицу, сложил бы заклинание на словах, крутанул по корешку да сбросил. Но губы и подбородок юного книжника плясали под drobный отстук зубов – и о словесном заклятии можно было забыть. Вот и бился Тадек с непокорной книгой, стараясь стряхнуть с нее прыткие бледные искорки.

Юноша не заметил княгини – вновь и вновь заносил книгу над головой. По мокрым, сиреневым от холода щекам бежали слезы. Агата оглянулась, отыскивая взглядом Кубуса, но княжича нигде не было, только борющийся с книгой Тадеуш, а перед ним в траве что-то белое, неподвижное как камень или гряда тряпья.

Холод рванул по спине и плечам стальными когтями.

Агата подбежала, оттолкнула Тадека, бросилась на колени перед сыном, наклонилась к самому лицу.

Дышит?

Нет.

Агата рванула с плеч кацавейку – колдовать неспоро. Прикрыла глаза и тотчас почувствовала в груди медленно шевелящийся клубок ледяных нитей магии. Вдохнула глубоко – закрутила, бросила в голову. Нити собрались в змейки-молнии, закопошились во лбу над бровями, ожидая хозяйского приказа.

– Вернуть, оживить! – грохотало в висках материнское сердце.

Змейки в нерешительности свивались в клубки.

– Немедля! – подхлестнула господская воля.

Молнии и искры рванулись в правую руку, в зеленый перстень. А с перстня – вниз, на примятую траву, на холодную неживую плоть.

Тело Якуба выгнулось, из полуоткрытого рта потекла струйка бурой речной воды.

– Еще! – вскрикнуло сердце, подгоняя обессилевшие, поблекшие огоньки.

Зеленый перстень вновь подсветился изумрудным сиянием, пара искорок пробежала по камню, лизнули белые язычки золотую оправу – и сгнули:

«Не можем, хозяйка, сила у тебя не та, чтоб мертвого воротить, душу у матушки-Землицы обратно в мир людской выпросить...»

– Есть, есть сила! – прошептала Агата, умоляя, мучительно выискивая в себе хоть остаточек, хоть малую толику неистраченной магии. – Чувствую, есть что-то...

Бедовая нищенка оставила – отголосок белой вьюги, затаившуюся где-то глубоко поземку чужой странной магии. Странной и страшной, неведомой. Будь другой случай – из опаски, из осторожности позволила б метели стихнуть, поземке – отшептать, чужой силе – истаять, раствориться без следа. Упаси Земля, отведи семицветный грех.

Да только не до опаски, не до раздумья было княгине – вот он, Кубусь, лежит холодный как лед. Неживой лежит.

И самое себя заложила бы, только б вернуть. А нет своей силы – так займы попросим...

– Землица-матушка, женская заступница, помоги, – пробормотала Агата, уперлась правой рукой, колдовским кольцом в земную пышную плоть, золотой песок, спутанную гриву травы. А левую, бледную, дрожащую, положила на лоб сыну.

Отозвалась мать-Земля, задышала под рукой, запела, загудела, как большой колокол в праздничный день. И из самой глубины, из щедрого живого чрева вытолкнула, вложила в ладонь пучок белого света.

Агата, обрадованная, что не обманула заступница, ухватила широкий луч, потянула через все тело, раскручивая, – в тело сына. И вдруг, неожиданно-негаданно, неведомо как, белый поток – царский подарок матушки-заступницы – взвихрился, плеснул. Тело отозвалось болью, вспыхнул, занялся пламенем страх.

Луч стал шире, разлился светлой рекой – едва вмещается в груди. Плещется, ходит волнами в скрученном болью нутре. Земля зашлась под ладонью мелкой дрожью. Так лошадка дергает блестящей шеей, стараясь согнать овода. Луч – уже не подарок, насильно взятое, без согласия – ударил в тело Якубека, подбросил над землей, выплеснул из груди речную воду. Вскрикнул за спиной Тадек. Не белые искры – радужный сноп огней осыпал и мать, и сына, и его товарища. В одно мгновение пожухла кругом трава, налились сиянием камни...

И стихло.

Агата, перепуганная, измученная, упала Якубу на грудь.

Дышит?

Дышит.

Захрипел, кашляя. Заморгал мутными глазами, где еще плясал, корчился страх.

Жив. Нехотя отпускала тревога, разжимала когти. Да что-то саднило, кровоточило, не позволяло выскочить из сердца штопальной игле дурного предчувствия.

У безносой Погибели глаза цвета радуги, а плащ – небо, в одной руке ее ветер-копье, в другой – щит-облако. Копьем терзает она грудь Земли, а щитом от лесного ее воинства заслоняется.

Вспомнится же иногда...

Еще в детстве рассказывала нянюшка Агате о Смерти-Погибели, небесной воительнице, земной супротивнице. Но не ведала Агата, что самой придется с ней свидеться, против нее выстоять, сына от Цветноглазой оборонить.

Отступила Безносая, провела копьём по вершинам елей. Расщепился ветер о сотню зеленых пик, полетел рваными клочьями во все стороны облачный щит. Расстелилось до самого края небо, чистое, как взгляд младенца.

Якуб приподнялся на локтях. Тадеуш тотчас подхватил его, а Агата размахнулась да от всей души приложила воскресшего по бледной щеке:

– В иной раз, как пожелаешь с Безносой в догонялки бегать – на мать не рассчитывай! Не пастух безродный, не деревенский олух – ты будущий князь. Твоя дурная голова – всему уделу погибель!

Кубусь пустился было в оправдания. И все же держал еще страх, стоял комом в горле – и вышел у княжича лишь сип да хриплое карканье.

Агата поднялась – гордо, по-господски, так что всякий, увидев ее, тотчас понял бы – хозяйка перед ним, владычица, княгиня. Махнула рукой Тадеку, приказывая идти впереди, оставить одного бестолкового княжича. Пошла, степенно ступая по рыжей, вырванной колдовством траве. Не обернулась.

Авось поймет, обидится бестолковый сынок, да от обиды и поумнеет.

В лесу, впереди, виднелся белый Элькин сарафан. Рядом – пестрая душегрейка няньки. Эльжбета и рада была броситься со всех ног к матери, да охромевшая наставница мертвой хваткой вцепилась в ее руку, ковыляла, сжав зубы.

Агата улыбнулась вымученно, успокаивая обеих. Мол, миновала беда, стороной прошла. Хотела махнуть рукой, да не пошевелинула и пальцем. Пусть видит сын, что матушка не на шутку грозна, а то ведь и не поймет, какой беды избежал – отмахнется: жив – и ладно.

Ветер шуршал листвою подлеска, собирал невидимой щепотью семена с метелок травы. Тепло светилась река, шептала в камнях на заплеске. Резко, задорно, как ярмарочные глиняные свистульки, чиркали, вскрикивали звонкими голосами птицы.

И во всем этом летнем гаме была тишина. Благословенная тишина, какая бывает после грозы. Пронеслась беда, и ветер засыпает ее след пылью, песком, семенами трав. И в этой тишине дышится легче, глубже, радостнее.

Вдох! – и раскроется грудь, наполнится светом, птичьим щебетом...

Крик.

Не окрик бедового сынка, молодого княжича, с повинной головой бредущего за матерью вымолить прощение и заступничество от отцовского гнева.

Крик смертельно раненного зверя. Крик страха и такой боли, что раскалывает надвое самую суть, разделяет огненной вспышкой разум и страдающее тело.

Агата обернулась.

Якубек все так же лежал на земле, силясь подняться. А над ним переливалась как слюдяное блюдо, дрожала радужная топь. словно кот, лениво играющий со встрепанным мышонком, Погибель отпустила было, отошла. А едва поуспокоилось сердце, стихла тревога, так распахнула Безносая радужный глаз, ухватила невидимым когтем, впиалась. Тянет, пьет колдовскую силу.

– Отпусти! – крикнула княгиня, от самого нутра взвыла. – Отпусти, окаянная!

И словно услышало семицветное око, моргнуло раз, другой. Недобро моргнуло, сыто. Набухло, созрело гнойной матовой прозеленью.

Крик.

Якуб рухнул на траву, а око, вздувшееся шаром, заколыхалось над ним и лопнуло, плюнуло огнем прямо в лицо своей жертве.

Глава 15

– Да что же это?

Раны – голое мясо.

Глянула – и глаза сами собой зажмурились, отказались смотреть.

Нет, нет, нет. Не может этого быть. Не должно. Не допустит Земля-заступница такого страдания ни для кого из своих детей.

Хотя... К чему лукавить – не перед кем-то, перед собой, и то трудно признать правду, взглянуть в пестрые глаза Безносой. Одна она и печется о людях: как бы не зажились, лишнего дня счастья не ухватили. А Земля выродила, да и оставила у Погибели на крыльце. Пригляди, мол, сестрица...

Мясо. Красное, бурое, сизое, почти черное с прозеленью гноя.

Агнешка почувствовала, как от запаха гнилой плоти тошнота подступила к горлу. Лекарка бросила на траву горсть пропитавшихся гноем тряпок. Подложила под руки Илария чистое полотенце.

Сжалившись над своей жертвой, морок не отпускал молодого мага, страшная боль едва пробивалась сквозь панцирь колдовского сна. И в те минуты манус стонал так жалобно, что Агнешка искренне, от всего сердца желала такой же муки громиле-палачу. Чем бы ни провинился перед разбойником-палочником красавец маг, а все не заслужил такой кары.

– Руки спасу – и ему жить.

Агнешка осторожно развернула правую ладонь мага. Подхватила двумя пальцами толстую белую личинку-опарыша. Положила на самый край раны, на темную гниющую плоть. Опарыш замер на мгновение, настороженно сжался уродливой каплей речного жемчуга. Но запах манил. По белому тельцу прошла дрожь. Опарыш принялся за дело.

Покуда первый маленький лекарь с азартом вгрызался в омертвевшую плоть, Агнешка, уже шепотью, положила на рану еще нескольких. А потом усадила добрых полтора десятка на другую ладонь. Жемчужинки зароились, торопясь насытиться, и рана на глазах стала алеть. Открывалось под слоем мертвого живое, жаждущее жизни.

Опарыши копошились, резво очищая раны. И видно, зазевался морок, уж не первый день караулящий у изголовья пленника-мага, засмотрелся на спорую работу жадных жемчужин – ослабил на миг колдовские путы. Ресницы Илария дрогнули, губы приоткрылись, и уже не стон – слабый крик сорвался с них. Жалобно, страдая за хозяина, заржал Вражко.

Агнешка тотчас засуетилась, зашуршала юбками. Извлекла из складок пузырек, приложила к приоткрывшимся губам. Рано еще было просыпаться манусу. Не вынести черноволосому красавцу такой боли. Зеленая капля потекла по губам, нырнула внутрь. Спыхватился зевака-морок, стянул паволоки так, что дыхание мага выровнялось, сердце успокоилось, затикало мерно, сонно.

Спи, Иларий. Спи, княжий манус. Пусть течет из-под колес подводы желтая река-дорога. Текут мгновения в золотую чашу минуты, а из нее – в червонный кубок часа, а из кубка – в круговой ковш, которым обносит солнце белый свет. Успеешь испить. А сейчас спи.

И Иларий спал, послушный шепоту морока. Моталась из стороны в сторону темноволосая голова. Шуршали по песку копыта лошадей.

А дорога текла. Текла, становясь все уже. Из широкого тракта в ленту-одноколейку, из нее – в тропку-ручеек, едва разглядишь. Разве что трава не так высока.

Лошадка упрячилась. Не желала сходить с удобного пути. А вот вороной Вражко жадно вглядывался в лесную чашу. Сколько раз скакали они с хозяином, не разбирая дороги. Сколько укрывались в лесах. Читал Вражко звериные тропы, как манус в девичьих глазах. А потому не видел беды в заросшей дороге. Едут нечасто, и все крестьянские лошадки. А от них лихого Вражко не ждал. Сколько останавливался княжий маг у деревенских, кормили досыта и господина, и коня. Как родных привечали.

Лошадка доверилась повесе-вороному, шагнула с дороги в траву. Агнешка погладила ее по крепкой шее.

– Уже скоро, милая, – утешила шепотом. – Уж и до дома недалеко.

«А коли дома нет? – шепнула в ушко Агнешке тревога. – Вон, в Вечорках. Была хороша, так дали лекарке дом, а чуть струхнули – и спалили со всем скарбом».

– Успокойся, девочка, – утешала надежда. – Дом на отшибе, почти в лесу. С деревенскими ты не ссорилась – ушла тихо, чужого не взяла. С чего им с красным петухом заигрывать?

«А если видел кто, как ты матушку хоронила?» – не унималась тревога.

– Не видел, – испуганно ответила ей сама Агнешка, – не видел. И дом цел. А в нем и стены помогут...

Глава 16

Сколько ни скитайся по белу свету, ни смотри на другую жизнь, сколько ни вей гнезд по чужим овинам, а рано или поздно потянет, позовет к себе земля, на которой родился. Давно звала она Тадеуша, но разве мог оставить он свою Эленьку. Другое дело теперь – с такими новостями возвращаться легко.

Что-то батюшка скажет?

Ничего не сказал. Вышел на крыльцо. Сгреб в охапку, обнял, потрепал по русым волосам. Притиснул к широкой груди так, что не вздохнуть. Словно и не было четырех с лишним лет в чужой стороне, при чужом дворе в обучении.

Постарел отец. И в бороде уж больше белого. И в глазах усталость. Только руки крепки – грех на годы жаловаться.

Тадеуш потер плечо. Крепко обнимал князь-батюшка Войцех Дальнегатчинский. Да и братец Лешек не отстает, мнет, как лесной медведь, силой балуется от радости.

Молчат отец и братья – обнимаются, за руки держатся, в глаза смотрят, ни единого слова промеж них не сказано. После будут слова, после новости, рассказы, а где-где, под чарку вина – и рассказы. А пока надо бы хоть насмотреться друг на друга, привыкнуть к переменам.

Внимательно глядел князь Войцех на сына, все спрашивая себя, верно ли сделал, что послал мальчика к Казимежу, старому лису? Не зря ли разделил Лешака с братом? А может, права была княгиня, покойный свет, и любовь да родная земля учат лучше чужой мудрости, а батюшкино слово верней дядькиной палки? Дома и стены помогают...

«Нет, прав был, – радостно думалось Войцеху. – Сто раз прав и сто первый. Уезжал мамкин сын, ушастый баловень. Воротился молодец, дай бог каждому отцу такого».

Тадеуш глядел на отца и брата и с тайной радостью думал: «Что скажут, как новость узнают?...» Ведь Лешаку невесту прочили, а счастье выпало ему, Тадеку. Ему отдала свое сердце бяломястовна Эльжбета. И Казимеж с ним прощался тепло, едва ли сыном не называл.

А вдруг рассердится отец, что не по его вышло? Не разгневался бы. Того ли хотел для него и от него строгий князь Войцех, как отправлял сына от дома?

Вот и молчал Тадек – смотрел в глаза отцу.

Только зря тревожился. Не рассердился Войцех, а расхохотался, хлопнул себя по колену, погрозил пальцем сперва меньшому сыну, а потом старшему.

– Пока ты, Лелек, при папке сидел, Тадусь у тебя девку увел, – все еще смеясь, поддел наследника князь. – Этак задремлешь, он из-под твоего зада княжество вынет. Ай да молодец, Тадек! Где все с батьки заходят, он с девки пролез! В князя выйдешь раньше братнего!

Тадеуш смутился, опустил глаза. Но похвала отца согрела сердце. Самому порой не верилось, что улыбнулась ему такая удача.

– Говорят, Якуб Бяломястовский силу растерял? – подмигнул Войцех.

Тадеуш, не ожидавший вопроса, едва не опрокинул вино. Глянул на отца не то с изумлением, не то с осуждением. Но разве сплетни удержишь. Как ни старался Казимеж держать

в тайне, что случилось с наследником Якубом, а не удержал. Сорока на хвост подхватила, с хвоста растрясла.

– Казимеж не дурак чужому дядьке на завидки землю без сильной руки оставлять, – продолжал Войцех. – Элька посильней братца будет, но бабе княжества не оставить. Вот и будешь ты при ней князем. А я помогу... Не оставлю милостью. А ежели Якубек сунется...

Говорил Войцех, смеясь, подмигивая сыновьям да похлопывая рукой по столу, по широкому колену. Шутил князь, веселился. Одни глаза, недавно веселые, добрые, отцовские, на миг, на два ли выдали его – сверкнули сталью. Цепкий стал взгляд, охотничий. Уж не отец с сыновьями за душу разговаривал, государь примеривал чужую землю под свою руку.

Порадовал отца Тадеуш.

Не ждал Войцех от сына такой прыти. С малолетства был Тадек добр, сердечен, горд и задумчив. А задумчивого хваткий всегда обойдет. Болело сердце у отца за младшего сына. Лешеку он княжение оставит, на то и старший. А Тадек при брате не останется, гордость не даст. В дружине ужиться доброе сердце не позволит. В наемниках, что в разбойничках: государь – монета, а добро в кошельке не звенит. Вот и послал Войцех Тадека к старому Бяломястовскому Лису Казимежу поучиться, поднабраться ума-разума. И что ж – обошел лиса толстолапый щенок, вскружил голову Казиковой девчонке, и уж, видно, далеко дело зашло, раз решил отец дочку-золотницу за книжника Тадеуша выдать.

И к добру.

Выйдет через две седмицы Тадеку восемнадцать, и уж к тому дню сваты будут за Казиковым столом сидеть. Быстрее дело сладить нужно. Погода переменчива, а Бялое място – лакомый кусок.

Не стал Войцех говорить сыну, что, по слухам, сам Чернский Влад вот-вот посватается к Эльжбете. Если все умом сделать, пока думает Владислав Радомирович, пока присмотрится, отдаст Казимеж Эльку за Тадеуша. Надо только намекнуть старому лису, что, если будет Эльжбета за Тадеком, Якубу ничего не грозит. А с Черным князем ни в чем уверенности нет, поступит, как небу вздумается.

Глава 17

Небо нахмурилось. Уставилось сизым рыхлым брюхом в самое окно. Заколыхалось, полное влаги, грозное, насупленное. С укором смотрело через распахнутые ставни в дом, в княжеские покои:

– Не стыдно ль тебе? Ужели совести в тебе не больше, чем в печном ухвате? И не прикрывайся общим благом да семьей – жадность одна в тебе говорит. Жадность и глупость. Думаешь, проведешь Черного князя? Вишенку съешь и о косточку зуба не сломишь?

Небо склонилось еще ниже, заглянуло в окно, в самое зеркало.

– Эх, не по руке перчатку тебе Судьба сшила, – дышало небо.

Эльжбета повертелась на скамейке, пощипала бледные от тревоги щеки – порозовели. Отодвинулась, чтоб не видеть сурового небесного взгляда.

– Помоги, матушка-Землица, – прошептала княжна, позволяя суеотящейся вокруг Ядзе поправить серьги и височные кольца, расправить по плечам ленты.

– Поможет, матушка-хозяйка, – утешала Ядвига, пряча блестящие в глазах слезы. – Не так страшен князь, как о том болтают. А что стар, так то навязанному мужу в самый раз – глядишь, и докучать не будет...

От одной мысли об этой «докуке» по спине Эльжбеты прошла волна холода. Готовность покориться отцу, отдать себя Черному князю в обмен на защиту и процветание родного Бялого място исчезала с каждой минутой, как исчезает в жаркий день с досок крыльца пролитая вода.

Но не воротишь, не передумаешь, пролитого не соберешь... Вот он, Черный князь Влад, с отцом за столом сидит, беседу ведет, невесту ожидает.

А невеста ни жива ни мертва. Тут сколько щечки ни щипли, а страх выбелит, сколько бровки ни сурьми, а страдающего взгляда не скроешь.

Эльжбета гордо выпрямилась, поднялась со скамеечки. Укоротила взглядом разболтавшуюся Ядзю. Не ее ума дело – княжья «докука». А уж она, княжна Эльжбета, слово и голову держать умеет.

Высокая, стройная, как свеча, в зеленом, шитом золотой нитью платье, Эльжбета себе нравилась. На мгновение захотелось, чтоб посмотрел на нее сейчас Тадек. Взял за руку и уверил, что все она делает как надо. Что крошечное девичье горе – высыхающая под солнцем капля. Что благо людей, которые волей матушки-Земли под твою руку поставлены, чьи судьбы от тебя зависят, – благо людей выше.

Ядзя пошла вперед: сказать старому князю, что дочка готова, к столу выйдет. Мелькнула в дверях толстая русая коса с синей лентой. И Эльжбета осталась одна.

Словно против воли опустились плечи, поникла головка в нарядном уборе. Затрепетали ресницы.

А коли стар Черный князь? Если вино, дурной, жестокий нрав раньше времени превратили его в чудовище? Если он будет с ней жесток?

В приступе жалости к себе Элька прикрыла дверь, сунула руку за сундук, в котором когда-то в детстве хранила игрушки, а теперь – дорогие платья. Вытащила глиняный пузырек, запечатанный воском.

Уж если страшен князь, если невыносима станет мысль о замужестве, пойдет в ход «отсрочка» словницы Ханны.

Трясаясь от страха, Эльжбета спрятала пузырек в широком рукаве. Не думала, на что ей три дня «отсрочки» – приведет Землица, станет думать. А сейчас сердце так колотилось в висках, что мысли путались, разбегались. И на смену им лезли из темных щелей страхи: один причудливей другого.

– Батюшка с гостем ожидают, – шепотом напомнила о себе из-за двери Ядзя. – Князь-батюшка благодушный очень, вина много пьет. А тот... все ухмыляется. И на личину не такое уж страшилище...

– Ох, молчала б ты, Ядзя, – шикнула Эльжбета. – Языком метешь, того и гляди наступишь.

Вышла из покоев, и будто схлынуло все. Пусто стало в голове, пусто на сердце. Все заволокло черной тучей. Живая, способная чувствовать Элька осталась там, у зеркала. Там осталось беспокойное сердце, растревоженная земная душа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.